

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

Валерий ЧЕСНОК

ВЕТВЬ

СВЯЩЕННОЙ

ОЛИВЫ

*Боги и герои
античных стадионов
на территории России*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2012

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА :
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТАНАИС»**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:

В. ЧЕСНОК

**ВЕТЬ СВЯЩЕННОЙ ОЛИВЫ.
БОГИ И ГЕРОИ АНТИЧНЫХ СТАДИОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ. –
РОСТОВ Н/Д: ОМЕГА ПАБЛИШЕР, 2007.**

В ПОДГОТОВКЕ ЭТОГО ИЗДАНИЯ УЧАСТВОВАЛИ:

Государственный исторический музей,

Государственный музей-заповедник «Танаис»,

Государственный Эрмитаж,

Краснодарский государственный
историко-археологический
музей-заповедник им. Е. Д. Фелицина

и его филиалы –

Анапский археологический музей

и Таманский археологический музей,

Новочеркасский музей
истории донского казачества,

Ростовский областной музей краеведения.

Огромная благодарность сотрудникам музеев,
которые приняли личное участие
в подборе иллюстративного материала
и комментариев:

Абрамовой Т. Н. (зам. директора по научной работе
Ростовского областного музея краеведения),

Киреевой Т. И. (сектор обеспечения публикаций,
Государственный Эрмитаж),

Мельниковой И. Н.
(директор Анапского археологического музея),
Сединко С. А.
(директор Новочеркасского музея
истории донского казачества),
Сень Д. В. (зам. директора по научной работе
Краснодарского государственного
историко-археологического
музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына),
Устаевой Э. Р. (гл. хранитель фондов
Таманского музейного комплекса),
Харалдиной З. Е. (зам. директора по научной работе
Анапского археологического музея),
Хачатуровой Е. А. (зав. отделом археологии
Краснодарского государственного
историко-археологического
музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына).

Особая благодарность –
Юлии Улётовой (Санкт-Петербург)
и Роману Петрову (Украина, Киев), безвозмездно
предоставившим фотографии с видами Греции.

Перевод «Оды спорта» Пьера де Кубертена цитиру-
ется по изданию: Гуськов И. Олимпийский спорт. –
Киев: Олимпийская литература, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пролог.....	7
П. де Кубертен «Ода спорту».....	9
I. Всё начиналось с легенды.....	15
II. В долине Алфея.....	43
III. Программа Олимпийских игр.....	88

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

Может ли быть связь между древней Олимпией, Истмией, Немеей, Коринфом и древней Горгиппией, Танаисом, Гермонассой?

Античные города на территории современного Юга России в представлении древних эллинов – северные окраины обитаемой земли Ойкумены, страна гипербореев.

Легенда повествует: священная оливковая роща в Олимпии выросла из одной-единственной ветви, принесённой мифическим Гераклом с гиперборейской земли.

В поисках этой ветви читатель отправится в увлекательное путешествие во времени и пространстве, в котором оживают мифические боги и герои, звучат торжественные гимны во славу олимпийцев, амфоры Панафиней наполняются оливковым маслом и вручаются самым достойным, и имена их высекают на мраморе...

Греческое чудо коснулось и самых ранних страниц истории нашей страны, и в этой книге археологические находки, ставшие ныне уникальными экспонатами музеев, вновь говорят на родном наречии...

ПРОЛОГ

Состязательность – центральная метафора исторического пространства культуры.

В ранней истории спорта наиболее ярко прослеживается удивительное свойство человека отождествлять телесную красоту и силу с проявлением божественного в личности.

По европейской традиции эту идею называют олимпийской, но на любом континенте планеты, у любого народа возникали такие же идеи и находили образное выражение и в истории физической культуры, и в народных играх, и в мифологии, и в праздниках. Так что история спорта, его символы, идеи и ценности принадлежат не одному народу или стране.

Много ли в сокровищницах цивилизации ценностей, в которых с такой полнотой воплотилась бы мечта о гармонии и совершенстве? Причём в обстоятельствах, казалось бы, исключающих и мечту, и надежду, и самого человека: войны диктовали свои законы...

К сожалению, немного. Но их роль и влияние на судьбы цивилизации значительнее военных походов.

Воинственность и агрессивность ни одному народу не послужили на пользу. «Покорители Вселенной», претенденты на мировое господство, проповедники избранничества и исключительности оставили после себя пустыню, в которой самыми знаменитыми были могилы их собственных народов.

Древность – колыбель современного спорта.

Конечно, состязания прошлого несравнимы по масштабам и содержанию с сегодняшними соревнованиями.

ями. Да и нельзя их сравнивать, как невозможно отождествлять ребёнка и взрослого. Но, как взрослый, оглядываясь на своё детство, жалеет о том, чего уже не вернуть, мы завидуем утраченной системе ценностей – непосредственности впечатлений, их глубине и яркости, бескорыстию и оптимизму.

История физической культуры – это история надежды, любви, история страстей человеческих...

Храм современного спорта в своих основных пропорциях остался неизменным со времён первых Олимпиад: символы, терминология, виды состязаний...

Прошло без малого три тысячелетия – феноменальная устойчивость мечты, надежд, оптимизма и веры в человека, отлившихся в форме состязаний. Случись невероятное – встреча с олимпийщиками на античных стадионах – мы смогли бы понять друг друга.

Можно с уверенностью предположить, что спорт в будущем вернётся к первоначальным формам, где равенство в состязании силы, ума и красоты создаст столь необходимую гармонию взаимоотношений человека с другими людьми, с природой, с самим собой.

Что в итоге, может быть, и определяет смысл жизни, и создаёт ощущение счастья.

ОДА СПОРТУ

Пьер де Кубертен

(Перевод с французского В. А. Новоскольцева)

I. О спорт!

Ты – наслаждение!

Ты верный, неизменный спутник жизни.

*Нашему духу и телу ты щедро
даришь радость бытия.*

Ты – бессмертен.

*Ты здравствуешь и сегодня,
после крушения затерянных в веках Олимпиад.*

Ты – торжествующий вестник весны человечества.

*Весны, когда зарождалось упоение
от гармонии разума и силы.*

*Ты, как эстафету, передаёшь нам
это наследие предков.*

Проходят века.

Жизнь торжествует.

Ты живёшь, неподвластный времени, спорт!

II. О спорт!

Ты – зодчий!

Ты помогаешь находить пропорции

совершеннейшего творения природы — человека, торжествующего в победе и сокрушающегося в неудаче.

Ты – мастер гармонии.

Ты делаешь нас сильными, ловкими, статными, исправляешь недостатки, с которыми мы рождаемся.

Ты особенный, необычный зодчий.

Твой строительный материал – человек в движении.

Ты доказал, что вечное движение – не мечта, не утопия.

Оно существует.

Вечное движение – это спорт.

III. О спорт!

Ты – справедливость!

Ты указываешь прямые, честные пути, которые ищут люди для достижения целей, поставленных в жизни.

Ты – беспристрастен.

Ты учишь, что правила соревнований – закон.

Ты требуешь: ни один спортсмен, выполняющий упражнения перед зрителями и судьями, не должен преступать эти правила.

Ты определяешь границы между видами спорта.

Нет судьи взыскательнее и строже, чем ты сам.

Непоколебимо

твоё требование справедливых оценок за истинные достижения.

IV. О спорт! Ты – вызов!

Ты требуешь борьбы.

*Вся сила наших мускулов сосредоточена в одном,
на взрыв похожем, слове – спорт.*

Ты – трубадур.

*Твой пламенный, волнующий призыв
находит отклик в наших сердцах.*

*Ты спрашиваешь у вышедших на старт:
зачем же сила, опыт и ловкость,
если не мечтать о победном финише?*

Ты утверждаешь – надо мечтать.

Надо сметь.

Надо дерзать.

Ты убеждаешь, требуешь, приказываешь.

*Ты зовёшь людей помериться силой,
Преодолеть себя.*

V. О спорт! Ты – благородство!

*Ты осеняешь лаврами лишь того,
кто боролся за победу честно,
открыто, бескорыстно.*

Ты – безупречен.

*Ты требуешь высокой нравственности,
справедливости,
моральной чистоты, неподкупности.*

Ты провозглашаешь:

*если кто-нибудь достигнет цели,
введя в заблуждение своих товарищей,*

достигнет славы
при помощи низких бесчестных приёмов,
подавив в себе чувство стыда,
тот заслуживает позорного эпитета,
который станет неразлучен с его именем.
Ты возводишь стадионы – театры без занавесей.
Все свидетели всему.
Никакой закулисной борьбы.
Ты начертал на своих скрижалях:
«Трижды сладостна победа,
одержанная в благородной, честной борьбе».

VI. О спорт! Ты – радость!

Ты устраиваешь праздники
для тех, кто жаждет борьбы,
и для тех, кто жаждет той борьбой насладиться.
Ты – ликование.
Ты горячишь кровь.
Заставляешь учащённо биться сердце.
Как радостно,
как отрадно откликнуться на твой зов.
Ты раздвигаешь горизонты. Проясняешь дали.
Вдохновляешь стартующих на ближний финиш.
Ты врачуешь душевные раны.
Печаль или скорбь одного
отступает в то мгновение,
когда нужно побороть всё
перед многооком взглядом многих.
Доставляй же радость, удовольствие,
счастье людям, спорт!

VII. О спорт!

Ты – плодотворность!

*Ты преградой встаёшь на пути пагубных недугов,
извечно угрожающих людям,*

Ты – посредник,

*Ты рекомендуешь страждущим, немощным,
хворым лучшее из лекарств – себя.*

*Ты примером своих сильных, здоровых,
статных, мускулистых, закалённых,
не поддающихся болезням приверженцев
врачуешь отчаявшихся.*

Ты горячишь кровь.

*Заставляешь учащённо биться сердце,
исцеляешь от недугов.*

Ты – красная строка в Кодексе здоровья.

Ты утверждаешь:

«В здоровом теле – здоровый дух!»

VIII. О спорт!

Ты – прогресс!

*Ты способствуешь совершенству человека –
самого прекрасного творения природы.*

*Ты – устремлённость. Ты предписываешь
следовать правилам и требованиям гигиены.*

Сдерживаешь от излишеств.

*Ты учишь человека добровольно,
сознательно, убеждённо поступать так,*

*чтобы никакие высшие достижения,
никакой рекорд*

не были результатом перенапряжения,

*не отразились на здоровье.
Никаких стимуляторов, кроме жажды победы
и мудрой тренировки, не признаёшь ты.
Ты убеждаешь, что прогресс физический
и прогресс нравственный –
два пути к одной цели.*

***IX. О спорт!
Ты – мир!***

*Ты устанавливаешь хорошие, добрые,
дружественные отношения между народами.
Ты – согласие.
Ты сближаешь людей, жаждущих единства.
Ты учишь разноязыкую,
разноплеменную молодёжь уважать друг друга.
Ты – источник благородного, мирного,
дружеского соревнования.
Ты собираешь молодость –
наше будущее, нашу надежду –
под свои мирные знамёна.
О спорт! Ты – мир!*

I. ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ЛЕГЕНДЫ

*Я предпочёл бы логику легенды
логике научного опыта:
хотя в первой меньше здравого смысла,
но зато больше надежды.*

Виктор Ваганов.
«Семь легенд из золотого колчана»

Если следовать библейской хронологии, то самое первое состязание человека состоялось с Богом. Напомню: первая книга Моисея – «Бытие».

Иаков, сын Исаака, *«человек кроткий, живущий в шатрах»*, тот, который видел во сне лестницу от земли до неба с восходящими и нисходящими по ней ангелами, тот, который служил в батраках за возлюбленную свою семь лет, и *«они показали ему за несколько дней»*, потому что он любил её...

И вот однажды он перевёл через небольшую реку стада свои и семейство. И когда остался один, с ним стал бороться Бог. Несмотря на неравенство сил, человек продержался долго, *«до появления зари»*.

И Бог, *«увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова»*.

И первым Бог сказал: *«Отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков же сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня...»*

Наградой человеку стало благословение Бога.

Состязание, спорт, игра старше мировых религий.

По существу они сами были религией, и религиозный церемониал древности проглядывает сквозь самые современные шоу. Сами боги в греческих мифах овладели миром в борьбе с титанами – тёмными силами.

И всё же неперенным условием победы бессмертных богов было участие смертного человека – им был Геракл, основатель Олимпийских игр.

Если и боги не могут изменить законов природы – борьба в какие-то периоды её сущность – то сделаем её милосердной...

Так родился спорт.

На примере любого вида спорта можно увидеть, как идея обкатывалась во времени и в пространстве, не зная границ, не считаясь с господствующими в то или иное время идеологиями, совершенствуясь в античных агонах, в средневековых турнирах, в спортивных состязаниях нового времени, в народной культуре.

И вот уже готовый шедевр собирает тысячи поклонников и ценителей, и уже невозможно представить, как мир мог существовать без этих зрелищ: взлетающего над стадионом мяча, совершенной пластики спортивных танцев на льду, завораживающей непредсказуемости борьбы, бега... в общем, любого состязания – этого бесконечного диалога силы, красоты, ума!

Точной даты рождения спорт не имеет.

Как и все выдающиеся открытия и достижения цивилизации: открытие огня, изобретение колеса, алфавита, возникновение ремёсел, появление религии, искусства...

Поэтому происхождение спорта отнесли к области чуда и явление его объяснили божественным вмешательством...

По традиции, принятой в XIX веке, летосчисление того или иного события начинают с первого упоминания в письменных источниках.

Если началом спорта считать первое состязание, зафиксированное письменно, то история физической культуры и спорта на территории нашей страны стартовала с легенды о трёх братьях, рассказанной первым историком планеты Геродотом.

Уникальный сюжет подлинной скифской мифологии.

Отец истории приводит её на страницах «Скифского логоса» – одной из книг его знаменитой «Истории», перечисляя версии о происхождении скифов. Этот народ в течение нескольких столетий господствовал в причерноморских и приазовских степях.

Легенда красивая!

В ней есть все признаки, определявшие особенности физической культуры у всех народов во все времена – от древнейших игр до спортивной борьбы нового времени: состязательность, непредсказуемость результата, приз сильнейшему...

ГЕРОДОТ

*Некогда муз угостил у себя
Геродот дружелюбно!
Каждая муза ему
Книгу оставила в дар.*

Василий Жуковский

«История» Геродота – это география его путешествий в девяти книгах.

Позднее, и уже – не автором, книгам были даны имена девяти муз. Скифии посвящена четвёртая книга его «Истории», названная именем Мельпомены. Суров и возвышен её образ в античном искусстве: высокая молодая женщина облачена в театральную мантию, увенчана венком из виноградных листьев, в руках – трагическая маска и меч...

С этой книги начинается письменная летопись нашей Родины.

Вспомним, что «История» создавалась тогда же, когда строился Парфенон, величественный храм в ансамбле афинского Акрополя, Софокл и Еврипид находились в зените славы, – это время истоков всей европейской культуры...

Из каких источников брал Геродот сведения о Скифии?

Он сам поясняет в повествовании: «я расспрашивал», «я не видел и говорю со слов», «вот что мне наглядно показали...». Книга историка – дневник очевидца, документ, не сравнимый с любым другим видом источников.

Он повествует о богах, передавая звучание их скифских имён и сопоставляя их с греческими олимпийцами, рассказывает о военном деле и искусстве врачевания у кочевников, о жертвоприношениях и гаданиях, наказании преступников и погребальном обряде, об удивительных явлениях природы и невиданных животных и растениях...

Здесь, в степи, он потерял счёт дням... Как непохожа степь на его родину, где белые колонны храмов поддерживают прозрачно-голубое небо и боги не покидают землю даже зимой, прячась от простых смертных в кронах деревьев, в струях родников и в морских волнах, не знающих тяжести льда!..

Но почему тогда так притягательна степь для его души, особенно ночами, когда простор земли кажется продолжением звёздного неба?!

Рассказывая о самых загадочных крайних рубежах Ойкумены, *«которые замыкают и заключают внутри себя всю остальную землю»*, он пишет о том, что, по-видимому, эти области *«действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким»*.

Это была эпоха, когда пути античной цивилизации пересеклись с культурой народов Юга нашей страны, – взаимодействие их, объединённых Понтом Эвксинским – Чёрным морем, – оказалось удивительно плодотворным, влияя на все сферы общественной жизни не только в зоне контактов.

Геродот рассказал о Донской земле с подробностью очевидца: традиции племён, первые города Приазовья...

В его «Истории» ребёнок найдёт сказку, юноша – поэму, учёный – факты. «Историю» Геродота не будут заново открывать, как многие забытые сочинения других авторов, эту книгу будут помнить и читать всегда, правда, с разной степенью доверия к приводимым сведениям. Геродот будто предвидел, что он станет собеседником многих поколений, будто чувствовал ответственность перед потомками. Это ответственность первопроходца, который знает, что по его следам пройдут ещё не скоро, а золотая россыпь фактов, смытая потоком времени, может исчезнуть.

Книга Геродота была первым путеводителем в научных исследованиях, по ней сверяют учёные открытия в древнейшей отечественной истории. Уже первые российские историографы оценили значение Геродота.

Историк и государственный деятель XVIII века Василий Никитич Татищев писал о нём: *«Сей есть из оставших нам древнейших между писавшими о Скифах и народах, обитавших в странах нынешней России. Аристотель – князем, а Цицерон – отцом всех историков его именовать удостоили».*

Строй повествования Геродота чрезвычайно интересен: любая, даже самая невероятная, фантазия в его книгах в основе своей держится фактами.

Минует два с половиной тысячелетия, возникнет наука археология, которая обогатит наши знания о прошлом, но объяснения мы по-прежнему будем искать в живом свидетельстве очевидца...

...История такова.

В одном из своих знаменитых подвигов Геракл добывал стадо быков, принадлежавших великану Гериону. Герой одолел страшного трёхтелого, многорукого и многоногого гиганта и возвращался домой на колеснице, погоняя упрямых быков.

Путь пролегал через неведомые холодные земли на окраине Ойкумены. Здесь текли полноводные, невиданные им прежде реки: Гипанис, Борисфен, Танаис. Потоки их столь велики, что, по-видимому, только Океан, опоясывающий Ойкумену, питал их истоки, иначе они давно бы иссушили землю...

«Обитаемая земля» – таков буквальный перевод слова «Ойкумена» с греческого.

Географ Агафемер сообщал: *«Древние изображали Ойкумену круглой, посередине же, по их мнению, лежит Эллада, а в середине Дельфы. Они – пуп земли».*

Агафемер жил более полутора тысяч лет назад, то есть уже для него понятие Ойкумены представлялось чрезвычайно древним. И вполне обоснованно, потому что образ Ойкумены любознательные греки сумели обозначить столь выразительно и приближенно к реальности, что и через тысячу лет – до эпохи новых географических открытий средневековья – все ходили у греков в учениках, повторяя Геродота и Страбона.

...Здесь Геракла настигла зима. Решив передохнуть, он выпряг коней из колесницы, отпустил быков пастись, закутался в львиную шкуру и крепко уснул. А пробудившись, не обнаружил коней – они были таинственным образом похищены («по божественному предопределению» – уточняет Геродот).

Геракл отправляется на поиски. Обходя заснеженную страну, он встретился со змееногой богиней – владычицей этих земель. Изумившись её облику, он спросил, не видала ли она коней.

- Кони у меня, - отвечала богиня. - Но я их верну только после того, как ты разделишь со мной брачное ложе.

Геракл, согласившись, остался. Богиня долго откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом.

Наконец, вернув коней, она сказала:

- Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал мне награду: ведь от тебя родится три сына. Скажи, что сделать, когда они станут взрослыми?

- Я оставляю тебе лук и пояс с золотой чашей, - отвечал Геракл. - Когда сыновья вырастут, пусть каждый из них попробует подпоясаться этим поясом, натянуть тетиву и выстрелить из лука. Того, кто сумеет это сделать, оставь царствовать в стране...

Пояснив богине, как натягивать лук, накладывать стрелу и застёгивать пояс, Геракл удалился.

Пришло время, родившиеся сыновья возмужали, мать дала им имена: Агафирс, Гелон и младшему –

Скиф. А затем, положив перед ними лук со стрелами и пояс с золотой чашей, предложила состязаться.

Старший и средний сыновья не смогли ни натянуть тетиву лука, ни подпоясаться.

Выполнил задачу лишь младший, Скиф.

«И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов, - добавляет Геродот, - а из-за этой чаши скифы и поныне носят чашу на поясе... и как замечательную достопримечательность скифы показывают в скале у реки Тираса (Днестр – прим. авт.) сохранившийся на поверхности скальной плиты след Геракла длиной в два локтя».

По следам легенды пошли археологи, и она нашла своё подтверждение в археологических памятниках.

Их много. Расскажем о двух самых знаменитых, ставших хрестоматийными для истории древнего народа.

В XIX веке при раскопках кургана Куль-Оба близ Керчи найдено множество драгоценных вещей, но самым выдающимся среди них был золотой ритуальный сосуд с изображением скифов. Безымянный художник с поразительным реализмом передал облик, особенности одежды, вооружения. Сосуд имеет круглое дно, к нему припаяна кольцевая подставка. В нижней части – чеканный орнамент и 48 лепестков. Рельефный фриз на тулове сосуда исполнен выколоткой изнутри, затем с лицевой стороны детали завершены чеканкой и гравировкой.

По характеру, пышности, богатству Куль-Обы ясно, что это погребение именитого скифского вождя. Так что изображение на золотой вазе не из разряда обы-

денных сюжетов – оно явно связано с масштабными событиями скифского эпоса, с представлением о мире, о происхождении народа.

Известный специалист по скифской мифологии Дмитрий Сергеевич Раевский считает сюжет золотой вазы иллюстрацией легенды о состязании трёх братьев. По изображениям ясно видно, что мастер представил четыре сюжета: три парных и один одиночный.

Пролог композиции – скиф, натягивающий тетиву лука. Это начало повествования, в этом смысл состязания. Затем – две парные фигуры, иллюстрирующие неудачу старшего и среднего братьев. Их называют сценами врачевания: один из братьев повредил челюсть, другой – ногу – характерные травмы при неумелой попытке натянуть тетиву тем способом, который изображён в первом сюжете.

И наконец, финальная сцена, важнейшая: прародитель скифов Геракл с царской повязкой-диадемой на голове даёт наставления победителю, младшему сыну Скифу. Позднее, при раскопках другого скифского захоронения в урочище Частые курганы под Воронежем, был найден серебряный с позолотой сосуд, по форме и сюжетам на поверхности очень похожий на чашу из Куль-Обы.

На скифах – подпоясанные кафтаны, длинные облегающие штаны, мягкие сапоги, подвязанные ремешками у щиколоток, длинные волосы, усы, бороды. Среди них – один юный воин, безус, безбород. Их вооружение – гориты, копья, щиты, секиры, нагайки...

Обе вазы датируются IV веком до н. э., то есть столетием позже того времени, когда Геродот написал свой «Скифский логос» – первое историческое повествование о народах и природе нашей страны.

В то время, когда Геродот записывал легенду, для самих скифов она уже была «ветхозаветным» событием. Недаром, рассказывая историку о происхождении своего народа, скифы уточняли, что со времени правления их первого царя прошла как раз тысяча лет.

Древнейший сюжет в культуре – состязание трёх братьев и победа младшего брата – значительно опережает по времени возникновения первые Олимпиады. Корни сюжета интернациональны, он воспроизводится в мифологии и религиях многих народов, входит нормами права в первые юридические памятники (позже такую норму называли миноратом, от латинского слова *minor* – «младший»). Издавна закреплялась естественная традиция: старшие сыновья, возмужав, уходят из семьи со своей долей наследства, младший остаётся с родителями, *«с отцовского корня не сходит»*...

Народные пословицы отражают обычаи задолго до их юридического оформления, среди славянских можно встретить: *«меньшему сыну – отцовский двор, старшему – новоселье»*, *«меньшой сын на корню сидит»*...

Вот ещё одна легенда из «Истории» Геродота, иллюстрирующая древность традиции.

«Как утверждают скифы, из всех племён их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом:

первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. Его родители, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они всё же именно так говорят), Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай.

Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошёл, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошёл второй, и с золотом произошло то же самое. Этим – загоревшееся золото отвергло. При приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унёс его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего, Арпоксая, произошли, именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются – сколоты, по имени царя; скифами же называли их греки. Скифы утверждают, что именно так они и произошли...»

Теперь о луке и стрелах – древнейшем виде оружия номадов, предположительно изобретённом в эпоху каменного века. Сотни кремниевых наконечников стрел археологи извлекли из стен Ливенцовской крепости, а это на тысячу лет древнее времени Геродота.

Обязательная принадлежность скифа-воина – лук, стрелы и колчан-горит, древнейший вид оружия номадов. Это – и почти обязательная принадлежность погребений скифов-воинов, часто их встречают и в женских захоронениях.

В Пятибратный курган, что в донской дельте, при погребении скифского вождя соплеменники положили в могилу около двух десятков луков и сотни стрел. В колчан вкладывалось около 50 стрел. Древки их, чуть более 30 см, имели расширяющийся конец с зарубкой, чтобы стрела не соскакивала с тетивы. Формы наконечников разнообразны, отливались из бронзы, но встречаются также железные и костяные.

Великолепны гориты – футляры для лука в богатых погребениях. Их деревянную основу обтягивали кожей и расписывали красками. Встречаются гориты с обкладками из золотой пластины с рельефными изображениями. Их четыре, с одинаковыми сценами, оттиснутыми с одной бронзовой или деревянной матрицы с последующей доработкой деталей изображений.

Найденные в разных районах Северного Причерноморья выдающиеся произведения искусства воспроизводят мифологические сцены из жизни Ахилла...

Гориты выполнены в городских мастерских Боспора по скифскому заказу.

То есть Ахилл, как и Геракл, уже вписан скифами в круг своих степных божеств, и будущий герой «Илиады» держит лук – столь не свойственное гомеровским персонажам оружие.

АХИЛЛЕС

Когда в Древней Греции хотели сказать о силе и быстроте, произносилось имя Ахилла – эпитеты его в мифологии: быстрый, стремительный, быстроногий, крепконогий, быстронесущийся... Он – главный среди героев «Илиады». Он – любимец автора, именно строками об Ахилле начинается поэма: *«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»*

А вот как описан бег Ахилла в поэме:

*Бурный как конь в колеснице,
всегда победительный в беге,
Быстро несётся к мете,
расстилаясь по чистому полю, –
Так Ахиллес оборачивал быстро
могучие ноги.*

Ахилл в память о погибшем друге Патрокле устраивает игры из шести видов состязаний: гонки колесниц, кулачный бой, борьба, бег, метание диска, стрельба из лука. Это древнейшие описания агонистических игр.

В гробнице скифского вождя в донской дельте археологи нашли горит. Истлел деревянный каркас горита, но поверхность его, обтянутая золотой пластиной с великолепными рельефными изображениями, сохранилась так, будто мастер только что закончил работу. В ней несколько декоративных фриз, где представлены растительные мотивы и сцены борьбы фантастических животных. Главное – два цен-

тральных фриза с рядом последовательных сцен с участием людей, связанных одной сюжетной линией.

Композиция рельефа сложна и выполнена с удивительным мастерством. На поверхности размером немногим более книги, которую ты, читатель, держишь в руках, мастер с каким-то особенным ощущением свободы и лёгкости отобразил судьбу героя от рождения до гибели...

Вот юного Ахилла обучают стрельбе из лука; в средней части фриза хитроумный Одиссей обнаруживает героя в доме царя Ликомеда на острове Скирос, куда спрятала его мать, зная о том, что если сын примет участие в битве под Троей, он погибнет...

Мать любила сына и, понимая, что бессмертия для него она не вымолит у неба, хотела оградить его от опасностей на земле. Переодетый в женское платье, Ахилл жил среди царских дочерей и научился ткать и прясть...

Одиссей под видом купца с различными товарами приезжает на остров, раскладывает товары, среди которых был и меч. И в момент торговли Диомед протрубил в боевой рог. И дух Ареса, бога войны, овладел Ахиллом; он сбрасывает женские одежды, хватается за рукоятку меча...

Одиссей удерживает его руку... Слева от Одиссея Деидамия – дочь Ликомеда и возлюбленная Ахилла, рядом жена царя Ликомеда –

она держит на руках внука Неоптолема, сына Ахилла.

Следующая сцена – проводы Ахилла под Трою. Ахилл полулежит в дорожном одеянии – гиматии, напротив него царь Ликомед и в отчаянии всплеснувшая руками Деидамия – она знает о пророчестве: Ахилл погибнет под Троей.

В нижней части фриза – продолжение сцены проводов: в центре объятая печалью царица-мать с дочерьми. Далее в правой части фриза – сцена примирения Ахилла с Агамемноном под Троей: на троне царь Агамемнон – предводитель греков, далее Диомед, уступавший храбростью и силой только Ахиллу. В центре – Ахилл, он держит поножи – наколенники, слева – Одиссей. Рядом знаменитый щит, выкованный Гефестом:

*...И работал он,
щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно;
кругом его вывел он обод белый,
Блестящий, тройной;
и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов
и на круге обширном
Множество дивного бог
по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю,
представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное,
полный серебряный месяц,*

таль второстепенная: время выкристаллизовало главное – великолепное мастерство художника. Мы многое знаем о той далёкой эпохе и о людях, живших на донских берегах, но это лишь островки по сравнению с тем, что ещё предстоит узнать на огромной карте, которую мы именуем древнейшей историей Родины.

Серебряная чаша из раскопок кургана Солоха...

В технике чеканки, тонкой и тщательной, на поверхности изображены сцены охоты: скифы-всадники с луками и дротиками сражаются со львами. На золотых бляшках из кургана Куль-Оба изображены стреляющие из луков два скифа, они стоят спиной друг к другу – удивительные по изобразительности и динамике сцены...

В многочисленных живописных изображениях на керамических сосудах – классике эллинского искусства – скифы всегда с луком и стрелами, в отличие от греков, вооруженных копьями и мечами. Так что есть все основания полагать, что стрельба из лука – как вид состязаний – пришла в античный мир из степей Причерноморья.

«Лук и стрелы изобрёл Скиф, сын Юпитера», - подводит итоги версий о появлении лука в античной традиции Плиний Старший. Его современник Плутарх приписывает скифскому мудрецу Анахарсису поэтическое выражение *«...лук сочувствует скифам, лиры же и флейты – эллинам»* и рассказывает о совсем уж необычном, но запоминающемся читателям использовании лука:

«Разве скиф, когда пьёт, не прикасается часто к луку и не пощипывает тетиву, призывая этим пропа- дающее от опьянения сознание?»

Как о чём-то совершенно невозможном для эллина повествуется в античной литературе об умении ски- фов натягивать тетиву лука не только левой рукой, накладывая тетиву правой, но одинаково прилагая руки для обоих действий...

Откроем Гомера – «Илиада», песнь двадцать тре- тья, погребение Патрокла, игры. В состязаниях, устроенных Ахиллом в честь погибшего друга, *«пер- вые быстрым возницам богатые бёга награды он предложил...»* Лучшие страницы, где описаны игры греков вокруг кургана Патрокла, в поэме посвящены состязаниям колесниц. Затем – кулачный бой, борь- ба, бег, метание диска...

Награды достойным: *«медный ужатый с боков два- дцатидвухмерный треножник»*, *«кобылица шестиго- довая»*, два таланта золота, *«серебряный, пышный сосуд – шестимерная чаша, чудной своей красотой помрачавшая в целой Вселенной славные чаши»*, ещё один треножник – *«огромный, медный – в две- надцать волов оценили его....»*

Даже проигравшим в этих видах состязаний пред- назначались: *«кубок двухдонный»*, *«в рукодельях искусная дева младая – в четыре вола её оцени- ли...»*

Стрельба из лука в финале состязаний – скупые эпитеты, краткие характеристики, скромные награ- ды.

Вот Ахилл выносит призы для лучников – десять двуострых секир и десять простых.

Всё – лишь названия, в отличие от предыдущих наград, где о каждой (кубок, фиалы, треножник, бык) – эпитеты в несколько строк...

Выставлена цель: на вершине корабельной мачты, вкопанной в песчаный берег, привязана за ногу голубка. В шлем бросили жребий. Первый стрелок, Тевкр, не сделал обета Аполлону, и *«воспрепятствовал Феб раздражённый»*, стрела попала в шнур, которым привязана птица.

Тогда Мерион, повелитель критян, сподвижник, *«в сердце обет сотворил метателю Аполлону первенцев агнцев ему в благодарность принести...»*. В голубку стрела попадает. Мерион берёт двуострые топоры, а проигравший Тевкр *«простые топоры понёс к кораблям мореходным»*...

То есть для Гомера лук и стрелы – оружие не архаичное, а скорее варварское – как неразбавленное вино, оно более соответствует природным наклонностям степняков, а не героям его поэмы.

Уж на что Пиндар – восторженный певец агонистики, сплетавший бесконечные эпитеты борцам, бегунам, колесничим, и тот не находит даже простенького сравнения для стрельбы из лука. Этот вид состязаний не входил в Олимпийские игры, а в Играх других районов Греции, где он упоминается, роль его весьма второстепенна. Хотя лук как древнейшее охотничье и боевое оружие был, конечно же, хорошо известен и грекам, и народам степи.

Ну а как же классические герои эпоса, предпочитавшие лук и стрелы?! Их немало. С ролями, в мифах далеко не второстепенными: Аполлон, Артемида, Геракл, Эврит...

Вот как раз в выборе оружия и проступают северо-восточное происхождение и глубочайшая древность формирования этих образов.

Но только Аполлон с сестрой Артемидой успели трансформироваться в неуязвимых грозных олимпийцев, остальные обречены на бесконечные испытания, страдания, неустройство и смерть. Позднее боги всё же потеснились на Олимпе, приняв в небожители Геракла за его подвиги...

Лучший лучник на Олимпе – Аполлон-стреловержец. Версия мифа выстраивается в цепочку: Аполлон обучил стрельбе из лука царя Ойхалии Эврита, который в этом искусстве стал учителем Геракла...

По другой, более распространённой версии, владеть в совершенстве луком обучил Геракла скиф Тевтар. То есть у старта традиции, где толпятся знаменитые олимпийцы – Аполлон, Геракл, Артемида, – всё же главный их гимнасиарх, тренер и судья – скиф. А гимнасий их обучения находится в Северном Причерноморье. Ну а кто уж был первым учеником, тут, как говорится, возможны варианты...

Вероятнее всего, начало цепочки правильнее вести всё же от Геракла. Аполлон слыл «стреловержцем» гораздо позже, истоки его образа – на востоке, в ранний период он бог солнца, света. Как эхо древнего образа, ежегодно на время зимы Аполлон запрягает в колесницу белых лошадей и уносится с Олимпа в далёкую холодную страну Гиперборею.

Греки знали тяжёлый лук.

Пенелопа узнает Одиссея, вернувшегося из странствий, не только по рубцу на теле (поранил колено

острым клыком разъярённый кабан), но и знанию тайного устройства супружеского ложа:

*...описал все приметы
Нашей кровати –
о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя и меня...*

Решающий момент узнавания – Одиссей натягивает тетиву тяжёлого лука. Помните наставление Геракла скифской богине о сыновьях, натягивающих лук?

Искусство навязать тетиву на рожок лука – самая сложная и решающая процедура подготовки к стрельбе. Многочисленным соискателям руки Пенелопы не по силам согнуть туго сгибаемый лук. Один из них:

*...должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей
он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог;
от напрасных усилий
Слабые руки его онемели.
Он с горем воскликнул:
«Нет! Не по силам мне лук Одиссеев...»*

Одиссей же

*...без труда во мгновение лук непокорный напряг...
Крепкою правой рукой тетиву натянувши, он ею
Щёлкнул: она провизжала,
как ласточка звонкая в небе.*

В пьесе «Геракл» драматурга Еврипида (V век до н.э.) двое героев ведут диалог о соперничестве гоплита (тяжеловооружённого воина с копьём, щитом и мечом) и лучника. Один, упрекая Геракла, говорит:

*...разве взял он щит или копье когда,
Готовясь к бою?
Трусливая стрела – его оружие...
Да может ли, скажите мне, стрелок
Из лука храбрым быть? Нет...*

Другой, защищая Геракла, объясняет преимущества лучника:

*...Гоплит – он в вечном рабстве у своих
Доспехов: сломится ль копье в сраженье,
Он беззащитен, и случись с ним трусы,
Храбрый из гоплитов пропадёт.
Ну, а владелец лука может смело
Разить врагов: всегда довольно стрел
В его распоряжение для защиты...*

Но всё же значения, какое имел лук у степных народов, – быть основным оружием – у греков он не приобрёл. Всё-таки лук и стрелы эффективны на степных просторах, где ими вооружены всадники.

Недаром для греков воительницы степей амазонки «стреляют из лука и ездят верхом».

А их определение «амазонка» означает: лишённая груди или безгрудая (по-гречески *mazos* – «грудь») – они якобы выжигали себе правую грудь, мешавшую натягивать тетиву лука.

Конечно, это гипербола, какими грешат легенды и сказки: в скульптуре и живописи те же греки изображали амазонок без таких впечатляющих, образных, но антиэстетичных недостатков...

Ну, а первый документ о состязании лучников? – спросит читатель. Он есть. И найден не в Греции, на родине Игр, а в степной зоне Северного Причерноморья – в Ольвии, городе в устье Буга. На фрагменте жёлтого мрамора высечена стихотворная надпись:

*Я говорю, что на двести восемьдесят две оргии
стрелял из скифского лука
славный Анаксагор, сын Демагорея.*

Надпись датируется концом V веком до н. э. Стиль текста, без сомнения, свидетельствует, что речь идёт о победителе в состязаниях на дальность стрельбы. Оргия равняется 1,85 метра. Значит, стрела, выпущенная Анаксагором, пролетела расстояние в 521,7 метра.

Результат исключительный.

Кстати, это пока что единственное точное известие о дальности полёта стрелы в древности.

Прошли столетия.

В XV веке в одном из средневековых трактатов подытоживается опыт стрельбы из лука: *«Лучники всего мира соглашаются, что практически кратчайшим расстоянием стрельбы в цель является 25 локтей, пределом же, за которым точная стрельба невозможна, – расстояние в 300 локтей».*

Эти дистанции соответствуют примерно 13 и 150 метрам.

Стоит напомнить, что в современных состязаниях из спортивных луков максимальная дистанция по прицельной стрельбе равна 90 метрам...

На долгое неприятие стрельбы из лука как вида состязаний в Греции влияло то, что лук всё же – основное оружие варваров-степняков, а Игры в Олимпии, освящённые богами и традициями глубочайшей древности, с трудом поддавались нововведениям.

Так что лук приходит в Грецию из степей. Но с какой стороны окраин Ойкумены? С берегов ли Гипаниса (Буга), или Борисфена (Днепра), или Танаиса (Дона) – вопрос спорный. Но в данном случае не столь существенный: всё Северное Причерноморье в гомеровскую эпоху составляло для греков единое этнографическое пространство с родственными друг другу народами.

Даже очертания берегов Понта Эвксинского – Чёрного моря – греки находили очень похожими на скифский лук с натянутой тетивой.

Пишет Страбон, отец географии: *«...тетиве уподобляются так называемые правые части Понта, то есть побережье от устья до впадины у Диоскуриады (современный город Сухуми – прим. авт.); ведь, кроме мыса Карамбис (недалеко от турецкого города Синоп – прим. авт.), весь остальной берег имеет только незначительные углубления и выступы, так что он похож на прямую линию.*

Остальную часть сравнивают с рогом лука с двойным изгибом; верхний изгиб более закруглённый, нижний более прямой; таким образом, левый берег

образует два залива, из которых западный значительно более закруглён, чем восточный... к северу от него расположено озеро Меотида (Азовское море – прим. авт.), в дальнем углу которого лежит одноимённый реке город Танаис...»

Взгляните на карту Чёрного моря: вершина лука – Таврия, тетива – южный берег.

Археологам скифский лук хорошо известен по находкам и изображениям. Средняя часть его, захватываемая рукой, прямая, а боковые части изгибаются сначала по направлению к тетиве, а потом – от неё. Он многосоставный, с костяными накладками для увеличения упругости; концы – из козлиных рогов, оправленных в металл.

Сравнение современникам Страбона понравилось.

В самом деле, яркое, точное, образное – лучше и не скажешь о море, омывающем скифские берега. Его берут на вооружение многие летописцы позднейших времён, прекрасный образ и для поэтов – стрелы-корабли, пересекающие по прямой море к северным берегам, к загадочной Скифии.

С VI века до н. э. скифы становятся устойчивым ориентиром для определения огромного района степной и лесостепной полосы от Северного Причерноморья до Северного Китая. Общность культуры и этническое родство народов на этой территории бесспорны и в наше время подтверждаются археологическими раскопками и лингвистическими исследованиями.

Письменные свидетельства, будто под многократным увеличением, укрупняют детали и подробности. Геродот, как ветхозаветный бог, давая имена чадам

своим, классифицировал народы причерноморских степей по этническим группам.

Его «История» стала первым навигатором для всех будущих археологов в лабиринтах передвижений племён, в их взаимоотношениях с государствами Средиземноморья. Киммерийцы, скифы, савроматы, будины, меоты, амазонки...

Конечно, мир степи был гораздо более многообразным, чем рассказал о нём Геродот. Он увидел лишь поверхность океана – сложнее был и характер контактов, и многовековой диалог культур античной эпохи.

Геродотовские названия рек, племён, богов стали основой топонимики и мифологии скифского региона в европейской традиции. Народы сменяли друг друга, покидая свою колыбель, растекались в тесноте европейских ландшафтов, сдерживаемые только берегами Атлантики, южных и северных морей.

Но и через столетия после Гомера и Геродота географ Страбон, рассказывая о северных варварах, называет скифами любые племена, кочующие в Северном Причерноморье. Так что определение «скифы» оставалось и в его время (I век н. э.) понятием политическим, несмотря на реальное знание о том, что этнически степь была так же пестра и разнообразна, как весенняя растительность на её просторах.

И эхом, уже через тысячелетия, скифская тема античной литературы прозвучит в русской поэзии:

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас – века, для нас – единый час...*

- напишет Александр Блок в самый драматичный момент российской истории – в 1918 году...

Первые в отечественной истории легенды рассказывают о происхождении народа, кочевавшего на просторах южнорусских степей. Скифы вошли в историю нашей Родины изумительными по красоте и совершенству памятниками искусств;, древними курганами и городищами, открытыми археологами; и судьбой – до сих пор ещё загадочной.

Легенды не имеют дат рождения.

Сказания о трёх братьях, небесных дарах, змееной богине, Геракле записаны Геродотом в V веке до н. э. Сколько поколений до него передавали друг другу бессмертные сюжеты, мы не знаем. Нам никогда не развернуть папирусный свиток с этим повествованием, написанным рукою автора: в лабиринтах событий более чем двух тысячелетий они исчезли бесследно...

Но слова остались. Рукописные строки их бережно переносились из века в век безымянными переписчиками до изобретения книгопечатания, и тогда, отпечатанные типографским набором в миллионах экземпляров, они перестали зависеть от воли случая.

По одной из греческих легенд о происхождении Олимпиад, учредителем Игр является Геракл, сын смертной женщины и бессмертного бога.

И что поразительно: по древнейшей версии мифа, Геракл принёс от гипербореев с далёкого севера ветку оливы и посадил её в Олимпии. От этой ветки разрослась роща в Альтисе – священном участке Олимпии...

Из веток роши сплетались венки – высшая награда олимпийников.

Геракл оказывается одновременно на разных полюсах тогдашнего мира: в Олимпии и в Скифии, где состязание его сыновей решает судьбу народа. Но мифологическое пространство не знает времени...

Важно другое: форма выбора – мирное состязание! Задается модель поведения и освящается участием матери всех скифов и величайшего героя всех греческих преданий. Модель поведения не в религиозных наиданиях, не в моральных кодексах, не в теориях философов, а на практике – в состязании силы, красоты, ума...

Модель на тысячелетия вперед: она оказывается столь совершенной, что по нынешнее время, похоже, остаётся недостижимой для человечества.

II. В ДОЛИНЕ АЛФЕЯ

*Много чудесного можно увидеть в Элладе,
о многом удивительном можно услышать,
ни над чем в большей мере нет
божьего покровительства, как над...
Олимпийскими состязаниями.*

Павсаний. «Описание Эллады»

В истории человечества бывают эпохи озарения, будто сами боги, оглянувшись, решили обустроить землю... И вот они вместе с людьми добывают мрамор в каменоломнях, расчерчивают планы храмов и

размешивают раствор на Акрополе, строят корабли в гавани Пирея, беседуют с философами в садах Академа, стартуют вместе с атлетами на стадионе в Олимпии...

И тогда несколько десятилетий становятся эталоном и образцом для нескольких последующих тысячелетий.

Олимпия!

Вдумайся, читатель, в это чудо!

Прошло двадцать семь веков – рождались народы и исчезали бесследно, возникали религии, тысячекратно переписывалась всемирная история...

Появлялись и разваливались империи, казалось, навечно раскинувшие паутину границ столь далеко, что в столицах не представляли, какие народы обитают на окраинах...

На алтарях стёсывались имена старых кумиров и поверх высекались имена новых богов; пророчествовали о конце мира, о светлом загадочном будущем; придумывались идеологии, казалось – на века, рассыпавшиеся через одно-два поколения...

И вот маленькая Олимпия с её простой идеей равенства между телом и духом – *«огнём, мерцающим в сосуде»* – раздвинула свои границы до масштабов земного шара.

И то, что на языке современной пропаганды можно назвать идеологией древних Игр, становится постепенно принципом современных Олимпиад...

И всё это – без жестокости, без фанатизма, без принуждения, без войны.

Идея олимпизма, её форма и этика, обряды и принципы воспитания выражены и обоснованы уже в древнейшие времена, причём в столь полной мере, что через два тысячелетия, при возрождении Олимпийских игр, они стали основополагающими в международной олимпийской системе.

Поразительная жизнеспособность этих принципов заставляет вновь и вновь обращаться к феноменальной мудрости народа, их создавшего.

В чём суть этих идей, и каковы были природные и социальные условия их формирования?

Рассмотрим карту Древней Греции – колыбели европейской культуры. Две особенности заметны сразу.

Первая – в том, что большая часть страны опоясана горными хребтами, сбегаящими к побережью. Самая высокая вершина страны на северо-востоке – гора Олимп.

Вторая особенность – извилистая линия берегов: будто верхушку дерева притопили в море, а осыпавшиеся листья – острова – остались на волнах. Геологический разлом, отделивший когда-то Балканский полуостров от Малой Азии, породил такое множество островов в Эгейском море, что для мореходов в здешних местах не нужны были маяки: едва за кормой исчезали одни острова, на горизонте появлялись другие...

Большую часть Балканского полуострова составляет Пелопоннес.

Как лист, тонким черенком Коринфского перешейка он прикреплен к материковой Греции. В восточной

части Пелопоннеса, в междуречье рек Алфея и Кладиса, располагается Олимпия – сердце Олимпийских игр.

Четыре праздника, среди которых Олимпийский был главным, имели общегреческое значение. В государстве, раздробленном на множество самостоятельных полисов, их объединяющая роль была исключительной.

На Киррейской равнине близ Дельф, у подножия знаменитой горы Парнас, проводились Пифийские состязания. Здесь находился храм Аполлона – важнейший религиозный центр Греции, здесь бил Кастальский источник, дававший пророческую силу...

В древнейшие времена это было место обитания подземных (хтонических) божеств, охраняемых чудовищным змеем Пифоном – порождением богини земли Реи. Аполлон убил змея, примирился с Реей, учредил здесь Дельфийский оракул и памятные Игры.

За власть над святилищем шло долгое соперничество между окрестными общинами, пока в начале VI века до н. э. Дельфы не были взяты под совместное управление религиозным объединением двенадцати греческих общин – Амфиктионией.

И с 582 года до н. э. празднование Пифийских игр становится регулярным: каждый четвертый год (через два года после очередных Олимпийских игр) в августе, в обстановке священного перемирия.

Игры продолжались несколько дней, примерно по той же программе, что и Олимпийские, но все же основными здесь были музыкальные состязания кифа-

редов – певцов, исполнявших гимны в честь лучезарного бога под звуки кифары и флейты.

Наградами победителям были венки из лавра – священного дерева Аполлона.

Истмийские игры проводились в сосновой роще на Истмийском перешейке, к западу от Коринфа. По одной из легенд, эти Игры, проходившие близ храма Посейдона, были учреждены Посейдоном после примирения с богом солнца Гелиосом в борьбе за власть над перешейком. Состязания на них были традиционные: атлетические, конные, музыкальные и поэтические. Победители получали в награду венки из сосновых веток и сельдерея.

В области Арголида, в узкой долине реки Немей, летом, на втором и четвёртом году Олимпиады, то есть каждые два года, проводился Немейский праздник в честь Зевса.

По преданию, в этой долине Геракл совершил свой первый подвиг – одолел Немейского льва, опустошавшего окрестности. Шкура льва и дубинка стали атрибутами героя. Игры были учреждены в VI веке до н. э., приблизительно в 573 году.

Состязания были установлены по образцу Олимпийских. Наградой победителям служил масличный венок из священной рощи Зевса. Развалины величественного храма Зевса и стадиона в Немейской долине сохранились до наших дней.

Существовало и множество праздничных культов – посвящений в различных районах Греции, как сказали бы сегодня – региональных, местных праздников...

Они проводились в разное время, у них общие организационные схемы. В их основе – культ массового, народного шествия, сопровождавшегося хоровым пением, танцами, маскарадом; включавшего жертвоприношения, театральные постановки.

И – как обязательную программу – атлетические, конные, музыкальные и поэтические состязания, завершавшиеся наградами участникам.

В них свои, характерные только для этого места, особенности, освящённые не только присутствием божества, но и чудесами.

В городе Элиде во время зимнего солнцестояния проходил праздник в честь Диониса. Перед Играми женщины пели гимны, призывая весёлого бога явиться на праздник. Бог внимал просьбам: три медных котла – пустые, запечатанные и закрытые с вечера в храме – элийцы утром находили наполненными вином...

На священной вершине горы в Аркадии – во время праздника в честь Зевса – все проходившие к алтарю (между двумя колоннами с позолоченными орлами на капителях) теряли свою тень...

На острове Самос праздник с состязаниями устраивался в память чрезвычайного происшествия: пираты похитили из храма Геры статую богини, но, погрузив её на корабль и ударив в весла, они не смогли сдвинуться с места. Пришлось статую вернуть в храм...

Особенно блестящими были Большие, или Великие, Панафинеи в Афинах – случай тоже редкостный в

истории, когда искусство во всех его жанрах оказывается центром народной, религиозной, политической жизни государства.

Сюжет мифа о споре Афины с Посейдоном за власть над Аттикой был изображён на западном фронте Парфенона – главного храма Акрополя. Старейшины города решили присудить победу тому из богов, чей дар афинскому народу окажется более ценным.

Посейдон ударил трезубцем о скалу Акрополя, и тотчас забил фонтан солёной воды. После удара копья Афины выросло оливковое дерево.

Дар богини, ставший основой богатства Аттики, принёс ей победу в споре.

СТАДИОН

Ни одно из архитектурных сооружений, воздвигавшихся людьми в истории цивилизации, не может сравниться с храмом спорта – стадионом – ни по количеству собирающихся в нём участников, ни по накалу страстей среди них.

Странно, что ни один стадион не попал в известный список «чудес света».

Хотя стадионы моложе египетских пирамид, они являются современниками всех остальных чудес... (храм Артемиды Эфесской, статуя Зевса Олимпийского и другие).

В переводе с греческого «стадион» означает определённую меру длины – стадий. Различают греко-римский стадий, равный 176,6 м, дельфийский – 177,55 м, новогреческий – 1000 м...

Длина стадия была неодинаковой, так как размер шага отмерявших его судей был различным.

Но самым большим, классическим стадиом, был олимпийский – 192,27 м. В нём, по преданию, было 600 ступней Геракла. Именно столько шагов он успел сделать, увидев первый луч солнца над горой Крона в Олимпии, до того момента, когда божественный диск оторвался от вершины.

Смысл слова менялся уже в период древнегреческих Олимпиад: вначале означал расстояние бега на короткую дистанцию, затем вообще бег на короткую дистанцию и, наконец, место для проведения соревнований.

Как выглядели стадионы в Греции, хорошо известно – узкий прямоугольник с соотношением сторон 1:7. Стадион в Олимпии открыт немецкими археологами, начавшими здесь систематические раскопки в 1875 году.

Исследованиями археологов прослежено несколько периодов, когда место и размеры расположения стадиона изменялись, но незначительно.

Следы самого древнего стадиона в Олимпии едва прослеживаются. В IV веке до н. э. стадион был перемещён на 75 м на восток. Затем примерно там же архитектором Леонидом был построен новый стадион, сохранившийся и до нашего времени. Он имел размеры 213 на 29 м, с местами для 50 тысяч зрителей на склонах горы Крона.

Древнегреческий писатель Павсаний, описывая священный округ в Дельфах, говорит о театре, «заслуживающем осмотра», и стадионе: «В самой верхней части города находится стадион, вначале он был сделан из того камня, которого много около Парнаса, пока его не переделал афинянин Герод и не украсил пентеликонским мрамором. Вот какие и в каком числе остались в Дельфах до моего времени вещи, заслуживающие внимания».

Описывает он и стадион в Олимпии: «Стадион устроен в виде насыпи, и на нём имеется возвышение, чтобы там могли сидеть руководители состязаний».

В своих основных пропорциях храм современного спорта остаётся неизменным со времени первых Олимпиад.

В честь Афины, покровительницы государства, на его агоре каждые четыре года проходили Панафинеи, то есть всеафинские состязания. В них участвовали и делегации от союзников.

Начинался праздник после жертвоприношений соревнованиями: бег, борьба, кулачный бой, состязания на колесницах. Ярким эпизодом соревнований была эстафета в темноте с факелами: победителем считался тот, кто первым достигнет цели, не погасив факела.

Источники упоминают и победителей в вождении триер в порту Пирей, и, конечно, состязания рапсодов в декламации эпоса – «Илиады» и «Одиссеи», составлявших основу классического греческого образования; а также пение, танцы, конкурсы драма-

тических представлений, в первую очередь трагедий.

Награждали победителей золотыми венками, щитами, живыми быками и маслом священных оливок в – специально для этих случаев расписанных – панафинейских амфорах.

Центральным событием празднеств была процессия афинян, поднимавшаяся из города на Акрополь для поднесения богатой золототканой одежды – пеплоса – покровительнице города Афине. Эту одежду, вытканную девушками-горожанками (они начинали работу за 9 месяцев до Панафиней), надевали на старинную священную деревянную статую Афины, стоявшую в храме Эрехтейон на склоне холма чуть ниже Парфенона.

На шафранном поле ткани изображались битва с гигантами, где Афина являлась победительницей диких враждебных сил, а также главные исторические деяния самих афинян. Пеплос развешивался в виде паруса на модели корабля и провозился по улицам города к святилищу богини.

Жрецы вели разукрашенных цветочными гирляндами жертвенных животных – быков, овец. Служительницы культа Афины – юные девушки – несли в корзинах священные предметы и амфоры с оливковым маслом. За ними – старейшины в белых одеждах, увенчанные венками, всадники с копьями и щитами, победители в предшествовавших состязаниях...

Эту процессию можно увидеть и сегодня: на мраморном фризе храма Парфенон, обходящем всё здание, на верху наружных стен внутреннего святилища

– изображено праздничное шествие афинян к своей богине.

Финал шествия представлен на восточной стороне фриза: сидят спокойно беседующие друг с другом олимпийские боги, как бы незримо присутствующие на празднике.

В центре между ними изображён торжественный момент передачи верховному жрецу пеплоса богини Афины...

Удивительная культура, совпавшая с подъёмом государственности, а скорее определившая этот подъём...

Между организацией государственной жизни, искусством, философией, историей возникли чрезвычайно глубокие связи – одно было продолжением другого.

Только тогда мог сказать афинянин Дамон – музыкант, композитор, учитель: *«Нельзя коснуться музыкальных правил без того, чтобы не произвести одновременно переворота в основных законах государства... Музыка – это крепость государства...»*

А через полтора тысячелетия, в XIX веке, историки культуры завистливо отметят: государство было предметом искусства...

Среди общеэллинских Игр – Олимпийские состязания были самыми древними и авторитетными. Они регулярно проводились с VII века до н. э., а списки победителей известны даже раньше – с 776 года до н. э.

В том году впервые на мраморной стеле было высечено имя олимпионика – элейца Кореба, победителя в беге, единственном виде состязаний в ту Олимпиаду.

Когда Кореб умер, на его могиле поставили памятник с надписью, что на Олимпийских играх Кореб был первым олимпиоником. Могила почиталась и сохранялась тысячу лет.

Так 776 год до н. э. обозначил границу между мифологическим временем Олимпиад – начало которых теряется где-то в догомеровском времени, и их историческим периодом – когда стали вестись списки победителей. С IV века до н. э. на основании этих списков распространилось общеэллинское летоисчисление по Олимпиадам. Игры устраивались каждый четвёртый год, в первое или второе полнолуние после летнего солнцестояния (июль-август).

Кем, когда и как были учреждены Олимпийские игры? Существует несколько легенд. По одной из них, праздники в Олимпии возникли благодаря Гераклу.

История такова.

В Элиде царствовал Авгий, сын Гелиоса. У него было такое огромное количество стад быков и коз, что большая часть страны оставалась невозделанной из-за навоза. Вывезти его было задачей сверхчеловеческой, но не к богам же обращаться...

И Авгий попросил Геракла за десятую часть своего стада совершить подвиг – очистить страну от навоза. Герой выполнил эту работу в один день: предварительно прорыл канал от реки Алфея и течением реки смыл навоз в море. Но царь обманул героя: награды Геракл не получил. Тогда через некоторое время он вернулся в Элиду с войском и победил коварного Авгия.

В честь победы Геракл принёс жертвы богам и посадил в долине Алфея рощу олив...

В глухом эхе мифа о появлении священной рощи в Олимпии вновь звучит тема гиперборейских земель.

Эта тема связана с Гераклом, как и история о сыновьях героя в Скифии и их состязаниях...

Геракл увидел в Олимпии каменистую пустынную землю и решил посадить здесь деревья. Он отправился в земли, что *«за спиной у ледяного Борея»*, увидел там деревья, и *«сладкое желание обуяло его посадить их вокруг ристалищ»*. Он умолил гипербореев *«словами разума»*, получил деревья и принёс в Олимпию в святилище Зевса *«бледную красу олив»*.

Так появилась священная роща деревьев, ветви которых *«осеняют мужей и венчают их подвиги»*...

Затем Геракл сооружает вдоль священной дороги шесть алтарей двенадцати богам.

«И он первый дал им название Олимпийских», - рассказывает Павсаний.

Идея обрела святилище.

ПАВСАНИЙ

Родом грек, он жил в эпоху Римской империи, когда его родина была частью средиземноморской державы, созданной римлянами.

Ему принадлежит сочинение в 10 книгах *«Описание Эллады»* – путеводитель по греческим городам.

В пятой книге Павсаний описывает знаменитое святилище на родине спорта в Олимпии: *«Много чудесного можно увидеть в Элладе, о многом удивительном здесь можно услышать, но ни над чем в большей мере нет божьего по-*

кровительства, как над Элевсинскими таинствами и над Олимпийскими состязаниями...»

Вспомним, что труд Павсания создан в конце II века н. э. – к этому времени история Олимпиад насчитывала восемь столетий, а Эллада стала превращаться в музей под открытым небом. Автор же описывает их так, будто Игры – по-прежнему результат проявления божественных сил. Завидное чувство.

Впечатления и свидетельства Павсания основаны на личном опыте путешественника и поэтому; конечно же, бесценны. Страницы его книги стали путеводителем для археологов в XIX веке, предпринявших раскопки Олимпии.

Жанр литературы, к которой относится сочинение Павсания, называют «периэге́за», буквально – «обведённая вокруг», то есть своеобразный путеводитель по стране и её достопримечательностям.

Самым известным сочинением этого жанра является труд Павсания, поэтому он был прозван «периэ́гет».

При потомках Геракла олимпийские праздники прервались. *«Приостановились до эпохи царя Ифита»*, – уточняет Павсаний. В это время весь Пелопоннес был охвачен войнами между городами. Ифит обратился к оракулу в Дельфах о средствах к миру на земле.

Ответ был краток: *«Возобнови Олимпийские игры»*.

Перед алтарём в храме Геры враждующие цари произнесли слова клятвы о священном мире. Первыми поклялись цари трёх государств Греции: Кле-

осфен – царь Писы, позднее вошедшей в состав Элиды, Ликург – царь знаменитой Спарты и Ифит – властелин Элиды, у южных границ которой и находилась Олимпия.

Именно они установили четырёхлетний период Игр и учредили экехейрию – запрет всем городам-государствам вести войны во время Игр. Всеобщий мир длился около трёх месяцев – время, необходимое для подготовки атлетов к Играм, путешествия в Олимпию, участия в соревнованиях и возвращения на родину.

И каждые четыре года сообщение об Олимпийских играх, как стрела Аполлона, облетало через глашатаев всю Грецию, останавливая вражду и войны. Вчерашние враги на поле боя сегодня в долине Алфея состязались за право стать самыми сильными, быстрыми и ловкими в Элладе.

Священное перемирие соблюдалось даже в трудное для страны время.

Когда в 480 году до н. э. персы вторглись в Грецию, Олимпийские игры не были отменены.

К царю персов Ксерксу привели нескольких греков. Царь спросил, что делают теперь эллины. Греки отвечали, что эллины проводят олимпийский праздник, смотрят атлетические соревнования и конные состязания.

- *Какая же награда назначена состязующимся за победу?* - спросил перс.

- *Венок из оливковых ветвей...*

Один из знатных персов, услышав, что не деньги, а простой венок служит высшей наградой, сказал своему повелителю:

- Против кого ты ведёшь нас в бой! Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!

Об этом повествует в своей «Истории» Геродот.

Рассказать об Олимпии невозможно: её историю не вместит никакая книга. Ведь только древний её этап насчитывает более тысячи лет. Столько же длился и период забвения. Утрачено было даже местонахождение Олимпии. Более ста лет тому назад её открыли археологи.

Старты современных Олимпиад, начиная с IX Амстердамской 1928 года, где бы они ни проходили, берут начало в древнем святилище спортивных Игр.

Давайте представим праздничную повседневность этих пяти дней из далёкого мира древней Олимпии. Фактов достаточно, чтобы не ошибиться в принципиальных моментах, но и воображение в пути не помещает.

Итак, читатель, отправимся к Олимпии – ну, например, с запада, на корабле вверх по реке Алфей. Река стекает с горной гряды Пелопоннеса. Стремительность её течения такова, что река далеко уходит в море в сторону Сицилии.

И, как всегда, во всеобъясняющем мифе находится ответ: бог реки Алфей влюбился в нимфу Аретузу, спутницу Артемиды. Нимфа, убегая, перебралась на остров Ортигия, недалеко от Сиракуз, и по её просьбе богиня превратила её в источник. Неистовый Ал-

фей пересек Ионическое море под землёй и, достигнув острова, соединился с нимфой...

Там, где в Алфей впадает небольшая река Кладис, мы видим ровную долину, намытую полноводной рекой. Долина в ожерелье невысоких гор, похожих скорее на холмы. Среди них самая высокая – гора Крона. Горы покрыты необычайно густой для Греции зеленью. Скатываясь в долину, горные леса сменяются кипарисами, тополями, оливковыми и апельсиновыми рощами, окружающими храмы и постройки олимпийского святилища.

Точной даты рождения святилища нет, ансамбль складывался постепенно приблизительно со II тысячелетия до н. э. Здания Олимпии не создавались по единому плану: перестраивались пришедшие в ветхость, строились новые, поверх стёртых каменных плит укладывались другие камни. Но неизменной оставалась природа – ландшафт господствовал в окружении святилища.

Греки не строили храмы на вершинах гор, их архитектурные ансамбли составляют как бы продолжение пейзажа, воплощая изначальную ясность, праздничность, разумность природы, к которой человек жаждал приобщиться, не подавляя и не разрушая её.

В искусстве греков всегда присутствует вселенский мотив. Логика здесь проста и необыкновенна: раз действиями людей руководят боги, значит, масштаб даже простых вещей и явлений – космический.

Этот столетиями продолжавшийся диалог с богом-природой и вдохновлял на создание шедевров, светлая тайна которых доступной станет не скоро...

Вот Олимпия глазами греческого историка Павсания. Около 180 года н. э. он путешествовал по стране и составил многостраничный труд «Описание Эллады».

Рассказ очевидца, внимательного, неторопливого повествователя – бесценный источник сведений об Олимпии.

Классическая ясность свойственна плану четырёхугольного священного участка – Альтиса. В его пространстве, ограждённом от суеты повседневности каменной оградой, – храмы Геры и Зевса, священная роща, статуи Ники – богини победы, Гермеса, портик Эхо, курган Пелопса, пританей, Метроон, сокровищницы, Священная дорога...

С восточной стороны прилегают к Альтису стадион и ипподром, с западной – несколько больших зданий: палестра, мастерская Фидия. С юга – бульварий и Леонидайон.

Самое древнее святилище Олимпии – небольшой храм, посвященный Гере, жене Зевса. Вначале выстроенный из сырцового кирпича, окружённый деревянной колоннадой, позднее он неоднократно частично перестраивался. Дерево заменялось камнем, по приземистой пропорции колонн.

В мощном грубоватом фронте и в характерном декоре – яркой раскраске храма в синий и красный цвета – отразилась глубокая древность первых греческих храмов эпохи, которые искусствоведы назовут временем архаики.

Внутри храма находились монументальные статуи Геры и Зевса. Богиня восседала на троне в тяжёлом тканом пеплосе, ниспадавшем на землю, его сменяли

на богине раз в четыре года. Голова её была увенчана короной. Зевс стоял рядом, опираясь на жезл.

У входа в храм Геры – овальная гряда красного песчаника, своеобразный памятник рекорду, о чём свидетельствует высеченная на поверхности песчаника надпись: *«Бибон, схватив меня одной рукой, перебросил через голову».*

Среди реликвий храма хранился диск Ифита – бронзовый круг с начертанными письменами: *«Священный месяц Олимпийского празднества».* Текст располагался необычно: не прямыми строчками, а, изгибаясь по границам круга, шёл к центру закрученной магической спиралью.

Слова просты, как молитва к богу. Но дело не в простоте или сложности текста.

Уж куда проще: я тебя люблю!

Но нет слов сложнее по палитре чувств...

Положив ладони на бронзовый диск, греческие цари произносили клятву о мире, который объявлялся на время Олимпийских игр.

Главная святыня Олимпии – храм Зевса Олимпийского. Здание величественное, как и подобает жилищу верховного божества. Известны имя архитектора – Либон – и дата строительства – в период между 468 и 456 годами до н. э. Его архитектура, символика скульптурных образов, взаимодействие с окружающим пространством святилища имеют исключительное значение для понимания феномена Олимпийских игр.

Игр, воплотивших в себе яркую религию, идею гражданственности и патриотизма, в трудные периоды истории – объединявшие разрозненные полисы

Греции, силу и мощь демократии маленького народа...

Поэтому остановимся подробнее на характеристике одного из священнейших шедевров античной классики.

Храм был воздвигнут на высоком постаменте.

Строился он из очень твёрдого ракушечника, что давало возможность добиться высокой точности исполнения деталей. Опоясанный колоннадой строгого дорического стиля, с изобилием скульптур, праздничной окраски, он занимал господствующее положение в сложном архитектурном ансамбле Олимпии.

Приблизившись к храму, мы видим золотую статую летящей Ники, венчающую фронтоны, а на плоскости фронтонов – монументальные скульптурные сцены: на восточном – посвящённые состязанию царя Эномая с героем Пелопсом, на западном – борьбе лапифов и кентавров.

Сюжеты скульптурных ансамблей на фронтонах храма Зевса очень важны для понимания идеи Игр и мифологической версии их происхождения. Рассмотрим в них внимательнее.

Восточный фронтон над входом в храм – многофигурная композиция, посвящённая состязанию Пелопса и Эномая. Легенда об этих героях – сюжетный источник Олимпиад.

История такова.

У Эномая, царя города Писы, была дочь – красавица Гипподамия. Дельфийский оракул предсказывал царю смерть от руки того, кто женится на его дочери. Эномай объявил: дочь получит тот, кто победит его в состязании на колесницах.

Царь был коварен: итог предрешён, так как он владел волшебными конями – подарком его отца, бога войны Ареса. Кони мчались быстрее ветра и не знали усталости.

По правилам состязаний претендент на руку Гипподамии брал её в свою колесницу и мчался к Коринфскому перешейку.

Эномай, не торопясь, совершал жертвоприношения богам, а затем уж становился в колесницу и пускался вдогонку. Он легко настигал колесницу жениха и копьём, не зная промаха, – тоже подарком Ареса – убивал юношу.

Уже тринадцать молодых людей полегли в неравном поединке...

Пелопс, сын Тантала, увидев однажды царскую дочь, поражённый красотой её, посватался. Чувство было взаимным, и Гипподамия решила повлиять на неотвратимость событий. Влюблённая девушка уговорила царского возничего Миртила, сына Гермеса, помочь жениху. Перед состязанием, впрягая в колесницу Эномая чудесных коней, он тайком вынул чеки, крепившие ступицы колёс.

И в тот момент, когда Эномай настиг колесницу Пелопса, колеса соскочили с оси, и царская колесница разбилась, царь запутался в упряжке и погиб.

Пелопс женился на прекрасной Гипподамии, стал царём страны, которая по его имени получила название Пелопоннеса.

По-видимому, современники Олимпиад воспринимали героев мифа так, будто ещё неизвестна развязка. При всей статичности скульптур зрители видели

разворачивающийся в пространстве и во времени сюжет драматического состязания. Энергия последующих действий заложена в индивидуальных чертах героев, в их напряжённых, как тетива лука, переживаниях.

Изображён момент обращения к Зевсу перед состязанием. Его фигура – в центре фронтона главного фасада, венчающего посвящённый ему храм. Величавая сдержанность могучего торса подчёркнута свободно ниспадающей драпировкой плаща.

Поворот головы бога в сторону Пелопса, стоящего по его правую руку, предрешает исход поединка: выбор сделан в пользу юноши.

Но участники этого ещё не знают: Эномай самоуверен и горд, Пелопс задумчив, сдержан, сосредоточен, Гипподамия рядом с женихом, в её облике – извечный жест женского ожидания и тревоги. Запряжённые в колесницу кони в боковых частях композиции готовы к стремительному бегу. За ними – возницы и зрители...

Первое действие бессмертной истории Олимпиад!

На западном фронтоне храма изображена сцена битвы греков с кентаврами – казалось бы, сюжет не имеет прямого отношения к Олимпиадам...

Кентавры – полукони-полулюди – были участниками свадебного пира у царя Пейрифоя. Напившись от жадности сверх меры, они не смогли сдержать звериной сущности своей природы и ринулись похищать женщин и подростков. Греки, вооружившись, вступили с кентаврами в бой, перебив многих.

В центре фронтона – Аполлон. Он властно простёр руку над схваткой. Пластика его величественного жеста созвучна целеустремлённой энергии греков, поднявших мечи по обе стороны от бога. Неизбежный итог борьбы очевиден не только по положению отдельных участников сражения, но и благодаря господству этих центральных фигур.

Широчайшая гамма переживаний в многофигурной композиции: величественное спокойствие Аполлона, гнев и отчаяние женщин, испуганные слуги в углах фронтона, грубая, беспощадная ярость кентавров, доблестное мужество греков...

Сознание правоты, спокойствие, красота и сила – приоритеты культуры, на которую будет равняться позднее цивилизация Европы.

Как бы в подтверждение достоверности мифологических сцен рядом с храмом Зевса находилась могила Пелопса – зелёный холм, окружённый низкой каменной оградой и оливковыми деревьями. И неподалёку – обугленный массивный деревянный столб, обложенный пирамидой каменных глыб, – так обозначают в Элладе места ударов молнии.

Здесь стоял дворец Эномая. Зевс метнул в него молнию, и с тех пор даже трава не растёт на этом клочке земли, испепелённом взглядом громовержца...

Перед столбом на медной доске сделана надпись:

*О чужеземец! Остаток я некогда славного дома;
Прежде опорю был я в Эномая дворце,
Ныне стою я у храма Кронида, оковами связан,
Чтимый: губящий огонь всё же меня пощадил.*

А неподалёку от Олимпии Павсаний – как достопримечательности – перечисляет могилы тринадцати женихов, погубленных Эномаем.

«Говорят, Эномай похоронил их близко один от другого, не оказав им никакого почёта, - пишет Павсаний. - Впоследствии Пелопс насыпал над всеми ними одну большую общую могилу из уважения к ним и из расположения к Гипподамии. Мне кажется, он хотел, чтобы и потомкам было передано, скольких и сколь сильных мужей победил Эномай, прежде чем он, Пелопс, победил его самого...»

Войдём в храм.

В глубине, занимая большую часть внутреннего пространства, высилась статуя Зевса Олимпийского – верховного бога, отца богов и людей, покровителя всеэллинских состязаний.

«Бог сидит на троне, - описывает Зевса Павсаний. – Его фигура сделана из золота и слоновой кости; на его голове венок, как будто бы из ветки маслины. В правой руке он держит Нику (Победу), тоже сделанную из золота и слоновой кости; у неё повязка и венок на голове.

В левой руке бога скипетр, изящно расцвеченный различными металлами, а птица, сидящая на скипетре, – это орёл. Из золота же у бога его обувь и плащ; на этом плаще изображены животные, а из цветов – полевые лилии.

Трон украшен золотом, драгоценными камнями, эбеновым деревом...

Пол перед статуей выстлан чёрным мрамором. Это чёрное пространство окаймляет несколько припод-

нятая полоса из паросского мрамора, чтобы задерживать сливающееся сюда масло.

Масло очень полезно для статуи, оно служит средством предохранить слоновую кость от той порчи, которую может принести влажный воздух Альтиса...»

Чудом света называли статую в древнем мире, а несчастным именовали в Греции того человека, кто не был в Олимпии и не видел этого чуда.

Через пять столетий после создания статуи побывавший в Олимпии писатель Дион Хрисостом запишет: *«Кто станет перед этим образом, тот забудет обо всём, что огорчает и терзает человеческую жизнь».*

Он написал в честь Фидия *«Олимпийскую речь, или Об изначальном осознании божества»*, а о статуе пишет, что скульптор создал образ, который дышит миром и спокойствием: *«Он хранитель Эллады, единой и не терзаемой междоусобицами... Образ милосердный, величественный и беспечальный, образ подателя дыхания, жизни и всех благ, спасителя и хранителя всех людей, насколько возможно смертному вообразить и воспроизвести божественную и непостижимую сущность...»*

Даже Павсаний, увидевший статую в холодноватый расчётливый век Римской империи и порядка, был смущён. Историк описывал сокровища Олимпии с дошностью музейного работника или коллекционера, живущего среди шедевров: чувство притупилось в обилии фактов, становящихся научной карточкой в каталоге.

Но даже Павсаний отступил от своих принципов: *«Я знаю цифры измерения статуи Зевса в Олимпии и в*

вышину, и в ширину, но восхвалять измерявших я не буду, так как указанные у них размеры совершенно не соответствуют тому впечатлению, которое статуя эта производит на зрителя. Свидетелем великого искусства Фидия, говорят, явился сам бог: когда статуя была окончена, то Фидий обратился к богу с молитвой – дать знамение, угодно ли ему его произведение, и тотчас же, говорят, бог бросил свою молнию в то самое место пола, где и до моего времени стояла на земле медная чаша...»

Всю Грецию облетело двестише одного из греческих поэтов, восхищённых обликом верховного олимпийца:

*Бог и на землю сошёл и явил тебе,
Фидий, свой образ?
Или на небо ты сам бога узреть восходил?*

По рассказам современников скульптора, Фидий вдохновлялся строками Гомера:

*Рёк, и во знаменье чёрными Зевс
помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх
поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы,
и потрясса Олимп многохолмный...*

Побывавшие в Олимпии рассказывали, что видели не изображение бога, а само божество. Рядом с ним нельзя было произнести ложной клятвы – столь впечатляющ и убедителен был шедевр Фидия. Как будто скульптор сумел в образе олимпийца выразить ста-

рую как мир и жизненно необходимую – и для будущего – идею добра, милосердия, сочувствия к человеку...

Мало известно о великом скульпторе, но главное создатель чуда сумел сказать: смысл жизни доступен только любящим.

Но и жемчужину чуда легко растворить и утратить в фанатизме ненависти: статуя не сохранилась.

В западной части за оградой Альтиса находилась палестра, здание с большим внутренним двором, многочисленными помещениями и полуоткрытыми пространствами. Во внутреннем дворе атлеты соревновались в борьбе, в панкратионе, в кулачном бое, в прыжках в длину. В непогоду занятия проходили в помещениях.

В палестре находилось разнообразное оборудование и снаряжение для подготовки атлетов: кожаные мешки, заполненные песком, мукой или пшеницей, для занятий кулачным боем; перчатки для бокса; диски для метаний; грузы для прыжков; корзины с песком, сосуды с маслом, специальные колодцы для смеси масла и грязи, использовавшейся борцами.

Существовала строгая технология подготовки покрытий на площадках и в залах для занятий борьбой, панкратионом и боксом. Здесь использовали тщательно очищенные песок и землю. Поверхность взрыхляли, утрамбовывали, поливали водой.

Эта работа требовала много времени и усилий, и её обычно выполняли сами спортсмены.

Столетием позже рядом с палестрой был построен гимнасий – большое открытое пространство, окру-

жённое колоннадой. По размеру гимнасий соответствовал стадиону. Его главной особенностью был портик длиной 219,5 м и шириной 13,3 м.

Именно здесь была отмерена дорожка одной классической стадии – 192,27 м, ставшая эталоном олимпийской дистанции.

По преданию, сам Геракл отмерял олимпийский стадиум и прошёл именно это расстояние с момента появления первого луча солнца над горой Крон до восхода – полного блеска божественного диска...

ГИМНАСИОН

От греческого слова *gymnos* – «обнажённый». Помещения для упражнений, сформировавшие в классическую эпоху Греции специальный тип архитектурных сооружений. Обычно это большой двор, окружённый колоннадой, за ней находились залы для различных видов занятий, бассейны, подсобные помещения.

Наиболее крупные города имели несколько гимнасиев для разных возрастных групп.

В любом гимнасии была библиотека. В Афинах по решению народного собрания каждый выпуск эфебов дарил гимнасию книги.

В городах и селах велись официальные списки лиц с гимнасийным образованием для включения их кандидатами на высокие государственные должности.

Распространена была практика частных пожертвований на гимнасии.

Гражданин Полидор в III веке до н. э. завещал городу солидную сумму, *«...чтобы все сво-*

боднорождённые дети воспитывались согласно моей воле, ежегодно избирать трёх учителей, которые будут обучать мальчиков и девочек. Плата учителю первого младшего класса – 600 драхм в год, второго – 550, третьего – 500 драхм».

Дифференцированный подход налицо: чем младше дети, тем труднее педагогу – соответственно, плата выше. В том же документе оплата учителю музыки определялась в 700 драхм, а тренерам по копьеметанию и стрельбе из лука – 250 и 300 драхм.

В Милете учителя избирались публично народным собранием сроком на один год. Перед этим списки кандидатов выставлялись на городской площади, чтобы каждый город голосованием мог составить о кандидатах свое мнение. Кандидат торжественно клялся, что ни перед кем из должностных лиц не хлопотал об избрании.

Первоначально гимнасии предназначались исключительно для спортивной подготовки юношей. Большинство городов Греции имели свои гимнасии.

Постоянный круг образовательных дисциплин расширялся – греки сумели почувствовать взаимозависимость физической, эстетической, интеллектуальной подготовки.

Философы, ораторы, драматурги, поэты читали в гимнасиях лекции и свои произведения.

Крупнейшие мыслители создавали при гимнасиях свои школы.

Из гимнасиев стали формироваться мусейоны – частные сообщества учёных почитателей муз – дочерей Мнемозины и Зевса. Первоначальный смысл мусейона – святилище муз, при гимнасиях им ставили алтари, строили и отдельные храмы в особо почитаемых местах.

Музы олицетворяли божественность происхождения мусических искусств – поэзии, пения, музыки, танца.

Самыми известными в Греции были два мусейона – платоновская Академия и аристотелевский Ликей – первые научные учреждения, учёные сообщества частного-правового типа.

Школа Платона получила своё название по месту расположения в роще со святилищем древнего героя Академа в предместье Афин. Здесь располагался гимнасий с обширным портиком – характерная деталь архитектуры любого гимнасия. Этот портик и стал местом встреч философов и раторов со своими учениками, постепенно дополнив гимнасий чертами общеобразовательной школы со специальными залами для лекций и библиотеками.

Здесь философ Платон – сам премиранный гимнаст, борец, наездник и музыкант – собирал своих учеников и друзей.

Его школа получила название Академия. Она успешно существовала почти тысячу лет, передав новому времени имя «академия» как название научных учреждений.

И, конечно же, науку философию – по форме мифологическую, а по сути – прекрасную тео-

рию необходимых закономерностей природы и общества, в которой человек – центр бытия, обустраивающий гармонию внутри себя, в обществе, в природе...

Мечта, выстраиваемая на чувстве реальности и здравого смысла!

И, наверное, не последнюю роль в мировоззрении философа сыграла обстановка гимнасия.

Ученик Платона Аристотель основал свою собственную школу в 335 году до н. э.

Ликеем называлось урочище Аполлона Ликейского в северо-восточном предместье Афин, недалеко от городских стен. Здесь были роща и храм, посвящённые Аполлону – предводителю муз, существовали с незапамятных времён гимнасий и ипподром.

Школа Аристотеля, подобно платоновской Академии, получила свое наименование – Ликей. И точно так же это слово пережило античность и в новое время дало название (через латинскую форму *liceum*) учебным заведениям особого, привилегированного типа. Но у школы Аристотеля было и другое наименование – Перипатос, от привычки учителя проводить занятия, прогуливаясь в крытом портике-галерее, окружавшем гимнасий и святилище муз; соответственно, учеников называли «перипатетики»...

Наследников гимнасий по прямой в наше время множество: гимназии, лицеи, научно-учебные центры академий...

И, конечно же, музеи – наследники имени Мусейона. Хотя внешне роль современных музеев – сохранение культурного наследия – отличается от тех, что создавались при античных гимназиях, но, по сути, то же, что и прежде – служение музам.

С севера на склоне Крона вплотную к стене святилища вытянулись постройки 12 сокровищниц греческих полисов, городов-государств.

Своими фасадами-портиками и колоннами сокровищницы походили на небольшие храмы, но для любого человека было понятно, что постройки не были жилищами богов, ведь фасады их были обращены на юг!

В них хранили жертвенную утварь. Каждый полис старался сделать свою сокровищницу как можно наряднее; здания облицовывались раскрашенной терракотой с разнообразными орнаментальными мотивами: пальметтой, лотосом, меандром, волной, плетёнкой...

Все части здания изготовлялись в самих полисах, а затем перевозились для сборки в Олимпию.

Необычен в ансамбле нимфей, или экседра Герода Аттика, – своеобразное водохранилище, откуда водой снабжалась вся территория святилища. Она похожа на огромную раковину: на гребне вогнутой стены, украшенной сдвоенными колоннами, стояли мраморные статуи морских и речных божеств.

В нише экседры устроен бассейн, в него собиралась вода по каналу, проложенному на большое расстояние к горным источникам.

Ниже находился второй бассейн: вода скатывалась вниз широкой стеной, и когда в ней не отражалось солнце, эта водяная стена казалась неподвижной. Бассейн украшали ротонды – небольшие здания, окружённые колоннадой и перекрытые куполами.

Это место было своеобразным святилищем воды: во время Игр здесь собирались боги морей и речные нимфы.

С юга примыкает к Альтису булевтерий – здание, сверху напоминающее гигантский двузубец. В этом здании заседает совет элланодиков – распорядителей, судей и смотрителей Олимпийских игр, стражей и хранителей олимпийских законов. Здесь элланодики проверяют, достойны ли атлеты принять участие в Играх, нет ли на ком из них невинной крови, не нарушал ли кто клятвы.

На площадке перед центральным входом в булевтерий – алтарь Зевса Горкийского (Клятвенного), покровителя присяги. У алтаря, после принесения в жертву кабана, участники состязаний произносят клятву о честном исполнении всех правил соревнований. Присягают и элланодики в том, что будут судить по совести и законам Игр.

Вдоль Священной дороги стояли шесть двойных алтарей: Зевсу и Посейдону, Гере и Афине, Гермесу и Рее, по преданию, поставленных Гераклом.

Для тех немногих участников, которые соревновались в нескольких видах состязаний, важно было получить благосклонность нескольких богов и обойтись одной жертвой. И вот они приводили к этим алтарям быка, овцу или козу или приносили петуха – в зависимости от возможностей.

В крайней нужде можно было подвесить на ветку оливы за алтарём глиняную игрушку – модель жертвы: боги могли удовлетвориться и символами.

Можно встретить и статуи богов, благосклонностью которых, считали атлеты, обеспечена их победа.

По всей территории святилища между храмами и алтарями стоят статуи олимпийщиков, каменные плиты с именами победителей, посвятельные стелы и плиты с текстами, напоминавшими об олимпийских правилах и привилегиях.

Перелистаем Павсания – книга шестая из «Описания Эллады». Автор описывает статуи олимпийщиков, *«которые особенно отличились в состязаниях»*, дары и посвящения им, стихотворные и прозаические.

Статуи установлены в священной роще Альтиса.

Исходным пунктом Павсаний берёт храм Геры и начинает скучноватую статистику: направо от храма *«статуя борца, родом элейца, Симмаха, сына Эсхила; рядом с ней – статуя Неолаида, сына Проксена, из Фенея в Аркадии, он одержал победу в кулачном бою... Рядом со статуей Фрасибула стоит изображение элейца Тимосфена, победившего в беге... статуя Дамиска из Мессении, который одержал победу в Олимпии, будучи 12 лет от роду...»*.

На постаменте скульптуры олимпийщика Аристодама горделивая надпись: *«Немея, Дельфы, Олимпия венчали меня пятикратно: всюду победы добилась ловкость моя, а не сила. Фрассия сын, элиссский борец Аристодам»*.

Статуй множество, возможно, несколько сотен. Одни отлиты из бронзы, другие высечены из мрамора.

Павсаний перечисляет несколько десятков, оговаривая: *«Я расскажу лишь о тех, которые или сами особенно прославились, или чьи статуи сделаны лучше других».*

Известно, что только Лисипп, знаменитый скульптор, изваял полторы тысячи статуй – то немногое, что сохранилось до нашего времени, без исключений – шедевры.

Повествование о статуях олимпийцев по форме напоминает список кораблей из «Илиады» Гомера. Павсаний сообщает о родословной олимпийца, сколько и в каких Играх он одержал побед, иногда называет автора скульптуры.

«...За статуей Евфима стоит статуя Пифара из Мантинеи, победившего в прямом беге, и статуя кулачного бойца, элейца Хармида; оба они одержали победы в состязаниях мальчиков.

Осмотрев эти статуи, ты перейдёшь к изображениям родосских атлетов, Диагора и его потомства. Они стоят рядом один за другим и расположены в следующем порядке: Акусилай, получивший победный венок за кулачный бой; Дорней, самый младший, победивший в Олимпии в панкратионе три раза подряд. Ещё раньше Дорней победил в панкратионе выступивших против него также и Дамагет.

Все они – братья и сыновья Диагора; за ними стоит статуя и самого Диагора – работы мегарца Калликла, сына Феокосма, того, который создал статую Зевса в Мегарах.

И внуки Диагора – сыновья его дочерей – тоже продолжали упражняться в кулачном бою и одержали победы в Олимпии: в состязании взрослых Эвкл, сын Каллианакта и Каллипатеры – дочери Диагора; а Пейсирод – в состязании мальчиков. Я уже рассказывал, как мать, одевшись в костюм учителя гимнастики, сама привела его на олимпийские состязания.

Статуя этого Пейсирода стоит в Альтисе, возле статуи его деда, отца матери. Говорят, что Диагор прибыл в Олимпию вместе со своими сыновьями Акусилаем и Дамагетом.

Одержав победу, юноши подняли отца и понесли его через всё торжественное собрание, причём все эллины засыпали его цветами и называли счастливым в сыновьях. Диагор был родом по женской линии из древней Мессении и происходил от дочери Аристомена...»

Во время Игр замужним женщинам под угрозой свержения с ближайшей горы, Типейона, был запрещён доступ в Олимпию: нельзя было даже переправляться через Алфей – окружавшую Олимпию реку.

Лишь одна женщина по имени Каллипатера (или, как её ещё называют, Ференика) отважилась пренебречь запретом. Она была уроженкой острова Родос, давшего много олимпийских чемпионов, и сама обучала своего сына Пейсирода кулачному бою. Она не сомневалась в победе сына и хотела любой ценой увидеть его триумф. Приняв во всём вид настоящего учителя гимнастики, Каллипатера привела на состязания в Олимпию своего сына.

Когда Пейсирод, её сын, оказался победителем, его мать перескочила через барьер, который отделял

учителей гимнастики от арены, и при этом обнаружила свой пол. Обман раскрылся, но Каллипатеру простили за победы, что одерживали на играх её сын, брат и отец.

С этого времени всем тренерам было предписано появляться на состязаниях нагими, подобно атлетам.

Этот эпизод известен из «Описания Эллады» Павсания.

Вот статуя Милона из Кротона. Знаменитого борца 6 раз увенчивали венками на Олимпийских играх и 25 раз – на других спортивных празднествах. Он прославился победами, необычными способностями и драматической судьбой, но о нём мы расскажем чуть позже.

Но всмотритесь в даты: подвиги на стадионах Милон совершал в 532 – 516 годы до н. э., то есть за семь столетий до того, как путешествующий по Греции Павсаний побывал в Олимпии...

Иногда автор отвлекается, рассказывая о знамениях, предсказаниях и чудесах, предшествовавших победам.

Так, мать победителя в беге Дейномаха, родив будущего олимпийщика, увидела сон, *«будто у своей груди она держит сына, увенчанного венком»*, поэтому Дейномах воспитывался, чтобы стать атлетом.

Другой из олимпийщиков, узнав от оракула, что он одержит победу в беге на олимпийских состязаниях, *«уже вперед заказал себе статую и в один и тот же день был провозглашён победителем и воздвиг свою статую...»*.

Павсаний убеждён в истинности легенд, для него победы олимпийцев как бы определяют и реальность событий, с ними связанных. Он пишет так, как будто подвиги олимпийцев на стадионе были совершены вчера, перечисляет множество имён, когда и как победил тот или иной атлет, убеждённый, что читателю это интересно.

О некоторых он говорит бегло, как бы понимая, что знание подробностей для читателя – дело само собой разумеющееся.

Ореол святости всего, что сопутствует победе на Олимпиадах, может сегодняшнего читателя удивлять, вызывать усмешку или недоумение, даже скуку, но для читателя – современника автора – эта суховатая статистика имён, побед, заслуг была увлекательнейшим чтением, независимо от срока давности происшедших событий.

Понять это трудно: другой мир, другие люди, иное отношение ко времени и общественным идеалам...

И остаётся ощущение, что планка тех идеалов высока и для нас недоступна...

Победа в Олимпии имела абсолютное значение, причём не только в момент триумфа, но и много лет спустя; как золото, она не тускнела от времени.

Много лет – это сколько – спросит любознательный читатель: пять – десять?

Вот статуя Эбота из города Палея, что в области Ахайя.

В 6-ю Олимпиаду он победил в беге и был первым олимпийцев из ахейцев. В последующих – ахейцам не везло, и тогда они решили, что всё дело в том,

что земляку не было оказано должного почтения, он произнёс проклятие, а какой-то бог это проклятие привёл в исполнение.

Они уверовали, что именно по этой причине никто из ахейцев больше не получил венка в Олимпии, и отправили посольство к Дельфийскому оракулу.

Бог напомнил о давней несправедливости, и ахейцы воздвигли статую в священной роще Олимпии с надписью:

*Эния сын ахеец Эбот, одержавший победу
В беге Палдею свою сделал славнее других –*

и после этого другой ахеец, Сатрап из Пеллены, в состязании мальчиков одержал победу в беге...

Между победой Эбота и сооружением ему статуи в Олимпии прошло... около трёхсот лет. Вдумайтесь: триста лет, сменилось столько поколений!..

Память о победителе в беге и его потомках сохранялась, обрастала легендами, становилась культом.

«И до моего времени остается ещё у ахейцев обычай, что те из них, которые собираются состязаться в Олимпии, приносят предварительные жертвы Эботу как герою, и если победят, то вешают на статую Эбота в Олимпии венки», – строки из книги Павсания.

А ведь мир менялся столь же стремительно, насыщенность событиями была не меньшей, чем сегодня, и в их потоке несправедливость в отношении олимпийоника не затерялась, не стёрлась – была живой подробностью общественной жизни, и подробностью не второстепенной.

Удивительная эпоха!

А сколь велика была общественная значимость побед на Играх: олимпионики становились общегреческими национальными героями независимо от гражданства.

Дорней, сын Диагора, о котором мы уже рассказывали, победитель в нескольких видах состязаний, был родом из династии олимпиоников: и дед, и отец его получали в Олимпии победные венки.

И вот, участвуя в морской битве против Афин с собственными кораблями, он попал в плен. И видно, многим досадила афинянам, они *«гневались на него и грозились»*. Он приготовился к самому худшему.

«Когда же, придя на народное собрание, они увидели этого мужа, столь великого и столь прославленного, в роли пленного – их чувства к нему переменились. Они перестали ему грозить, и, не причинив ему никакого вреда, хотя они могли ему сделать много плохого и вполне законно. Они отпустили его».

Когда создавались легенды об Александре Македонском, среди определённых канонических доблестей раннего периода жизни великого полководца приводился эпизод его участия и победы в Олимпийских играх.

«Он принял участие в беговом состязании и пришёл к цели одновременно с победителем», - рассказывает Павсаний.

Победы на состязаниях, по общему убеждению, могли оказать влияние на всё, даже на плодородие земли.

Атлет Феоген с острова Фасоса участвовал в нескольких Олимпиадах, побеждая в разных видах состязаний. У него было девять побед в Немейских играх и десять в Истмийских. Он был увенчан множеством венков, и ему была поставлена статуя в Олимпии, её описывает Павсаний.

Когда великий олимпиец скончался, один из его завистников по ночам приходил к статуе и наносил по ней удары бичом, убеждённый, что унижает этим самого атлета. Но однажды статуя упала с пьедестала, и завистник тотчас умер, то ли от удара, то ли от страха.

По фасосским законам статую бросили в море, так как правило око за око распространялось и на неодушевлённые предметы...

И с этого времени земля на Фасосе перестала плодоносить.

Измученные граждане отправили послов к Дельфийскому оракулу спросить, в чём дело.

Пифия им изрекла: *«Вами оставлен в забвении у вас Феоген достолавный»*. И тогда рыбаки отправились в море, с большими трудами выловили сетями статую, водрузили её на прежнее место и почтили Феогена жертвоприношениями. И боги сняли с земли проклятие бесплодия...

Как понять феномен Игр?!!

Ведь Павсаний описывает судьбы атлетов, их победы и статуи не просто как любознательный путешественник, не как нечто архаичное, полузабытое за давностью лет кладбище раритетов...

Олимпия с её храмами, спортивными сооружениями, статуями для него – живая, повседневная геро-

ическая действительность, как будто всё, что происходило здесь триста – семьсот лет назад, повторяется вновь и вновь...

И путешественник не перебирает рукописи в храмовых архивах, не расспрашивает жрецов, не разбирает полустёртые надписи на постаментах, а слышит ликующие возгласы на стадионе, торжественные поздравления элланодиков-судей! Видит, как возлагаются венки на головы Гиерона Сиракузского, победителя в беге на 126-й Олимпиаде, борца Артемидора в 212-ю Олимпиаду.

А скульптор Лисипп высекает надпись на постаменте статуи олимпийщика Хилона из Патр:

*Дважды в Олимпии в чистой борьбе один на один я
Между мужей победил, в Дельфах столько же раз,
Три я в Немее, четыре победы взял в Истме,
Около моря лежит Хилон, Хилона сын...*

Первый день Олимпийских игр был днём обрядов, жертвоприношений, призывов к богам, принесения клятв участниками состязаний.

Чему служили эти обряды? Скучающим богам? Нет, они были символами, объединяющими народ сильнее, чем гражданские законы.

Он начинался с торжественного шествия к храму Зевса от пританея – общинного дома. В нём пребывают жрецы, хранятся реликвии и ключи от государственной казны и архива.

В самом большом зале общинного дома у алтаря Гестии – юной богини огня и домашнего очага – пылает неугасимое пламя.

Его зажгли в незапамятные времена трением двух сосновых поленьев, и с тех пор огонь поддерживается жрецами.

В очаге, обложенном камнем, огонь может затухать на долгие месяцы, тлея в глубине едва заметными искорками. Но в дни праздников он ярко вспыхивает, изгоняя даже тени из огромного зала, где во время обеда жрецы, почётные гости и элланодики обсуждают порядок шествия.

Пристально смотрит на огонь алтаря жрец-прорицатель. Он из рода Иамидов.

Никто не знает, сколько поколений жрецов этого рода служило у алтаря Зевса, стоявшего здесь задолго до того, как был воздвигнут храм. Но имя первого жреца – Иам.

Он был сыном Аполлона и по воле Зевса на вершине горы Крона получил сокровище предвидения и сказал Гераклу, что тот должен утвердить празднество – отраду многолюдья, великий чин Олимпийских состязаний. А на высшем из алтарей, Зевесовом, утвердить прорицание.

И с тех пор род Иамидов знаменит меж эллинами, чтит доблесть и славен посредничеством между богами и людьми.

И тот, кто хочет услышать волю Зевса, становится за алтарём, жрец всматривается в него сквозь пламя и произносит слова, придающие уверенность достойному, укрепляющие сомневающегося...

И если прорицание звучит как приговор, то всё равно есть ещё время для новых жертв богам и молитв – боги ведь забывчивы и непоследовательны...

Жрец обращается к богам, заклиная их явиться сюда, в Элиду, с Олимпа и даровать этой стране мир, земле – плодородие, людям – очищение от страстей и житейской суеты.

На большом алтаре он воскуривает фимиам: тлеет на камне смесь ладана, смолы-стиракты, смирны, благовонного дерева и семян бобов...

*Вы, кто священной премудрости держит кормило,
о боги!*

*Вы возжигаете в душах людских
возвышающий пламень,
Дабы, покинув обители мрака, они устремились
К высям бессмертных, очистившись таинством
гимнов священных,*

Слух преклоните, спасители!

*Боги, водители мудрости светлой, молю вас;
внемлите!*

*Нам, кто душою стремится к стезе,
пролегающей свыше...*

Боги, явите священных словес обряды и действия...

Участники поодаль от жреца настороженно ждут, дадут ли знак боги.

Неожиданно ярко вдруг вспыхивает огонь, дым тонкой колонной встаёт между алтарём и небом и светлой тропинкой стелется в голубизне в сторону вершины горы Крона...

Жрец поднимает ладони, произнося слова благодарственной молитвы, и, повернувшись к хору, будто обращаясь за помощью, говорит громко: «Зовите бога! Молитесь песней!..» – и кропит алтарь из бронзового кувшина.

Начинается шествие к Альтису – священному участку Олимпии. Впереди идут элланодики с венками на головах, в пурпурных одеждах. Эти судьи Игр наделены большими правами: утверждать победу, наказывать или прощать за проступки.

Количество судей поначалу менялось. С 95-й Олимпиады их было девять человек: трое судили колесничные бега, трое – пентатлон (прыжки, бег, борьбу, метание диска, копья), трое наблюдали за остальными состязаниями.

К 108-й Олимпиаде элланодиков стало десять, *«и с того времени уже и до наших дней число остаётся неизменным»*, – добавляет Павсаний.

За элланодиками идут в белых одеждах жрецы, за ними – самые многочисленные участники шествия – атлеты, и замыкают шествие жертвенные животные – белоснежные быки и чёрный баран (для того, чтобы животные были спокойны, их одурманили специальным составом, смешанным с кормом).

Шествие входит за ограду Альтиса, проходит по Священной дороге к храму Зевса и перед алтарём образует полукруг. Ждут восхода солнца.

И вот – *«встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос»*.

И первый луч божественного светила падает на фронтон храма. Начинается обряд жертвоприношения богам, после чего атлеты произносят олимпийскую клятву о честном поединке.

Это было главным событием первого дня Игр.

Второй день начинался выходом элланодиков в сопровождении атлетов потайным ходом на стадион, уже с ночи заполненный людьми.

Для выхода из элланодикеона (дома судей) устроена специальная дорога севернее могилы – кенотафа (символического кургана) Ахилла.

Элланодики занимают место на возвышении стадиона.

Звучит труба, и глашатай возвещает о начале состязаний.

Атлеты идут по стадиону, и глашатай объявляет имя и родину каждого.

Он обращается к зрителям и судьям, спрашивая: *«Счастливые гости Олимпии, согласны ли вы с тем, что этот атлет является свободным и достойным гражданином?»*

III. ПРОГРАММА ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

*Было бы безобразием
по собственному незнанию
состариться так,
чтобы даже не видеть по самому себе,
каким способно быть человеческое тело
в полноте своей красоты и силы.*

Сократ

Программа Олимпийских игр складывалась постепенно: вначале соревнования проводились только по бегу на один стадий – дромос.

Прошло десять Олимпиад, прежде чем был введён бег на 2 стадия (диалуос – 384,94 м), затем на длинные дистанции (долихос – от 8 до 24 стадий – примерно 4500 м).

Через два десятилетия в программах Игр появляется пентатлон – прыжки, бег, метание диска, копья, борьба.

С 688 года до н. э. – кулачный бой.

Чуть позднее – состязания на колесницах, запряжённых четвёркой коней (тетриппой).

В середине VII века до н. э. участники оспаривают первенство в панкратионе – борьбе, в которой разрешены любые приёмы.

Через 100 лет на стадионе состязаются в беге воины в полном вооружении.

БЕГ

...Три бодрые сына царя Алкиноя.

*Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустились разом,
Пыль подымая; они через поприще:*

всех был проворней

*Клитонеон благородный – какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят,*

настолько оставив

Братьев своих позади,

возвратился он первый к народу...

Гомер. «Одиссея».

Так начинаются состязания, устроенные царем Алкиноем в честь Одиссея, попавшего на остров мореходов – феаков.

Бег – древнейший вид состязаний на Олимпийских играх. Площадки для бега устраивались на склонах

возвышенностей или между холмами – для удобства зрителей.

Линии старта и финиша отмечались бороздой. Позднее, в IV веке до н. э., – узкими мраморными плитами. Участники выстраивались на старте на местах, определявшихся жеребьёвкой. Судя по изображениям, участники бега стартовали одинаково: стоя с небольшим наклоном тела вперед, ноги на общей линии, пальцы правой – в желобке специального стартового устройства – порога.

Если бегунов было больше, чем стартовых мест, устраивалось несколько забегов, и в последнем, решающем, принимали участие только победители.

Причём стартовые места разделялись столбиками с перекладиной. К ним привязывались верёвки, концы которых держал стартёр, стоявший за бегунами.

По сигналу стартёр опускал верёвки, перекладины одновременно падали и атлеты начинали бег.

Короткая дистанция была прямой, расстоянием в один стадий. За финишной линией на алтаре лежал венок – награда победителю. Впоследствии победитель определялся судьями. Когда дистанция увеличилась, атлеты, преодолев стадий, разворачивались у меты – обычно ею служила колонна – в обратном направлении.

Интересны наблюдение и выводы, сделанные уже в наше время специалистами, почему стадий составлял расстояние именно в границах 200 метров.

В античные времена это объясняли длиной борозды, которую пахарь может пройти за плугом без передышки для себя и быка в упряжке – «стадий» и означает остановку.

Но при рассмотрении результатов современных олимпийских рекордов оказывается, что спортсмен развивает наибольшую скорость не на ста метрах, а именно на двухсотметровке...

Вот и размышляй, читатель, о преимуществе интуиции или расчёта!

Так как время бега не фиксировалось, нам трудно сравнивать быстроту древних олимпийцев с современными спринтерами.

Античные авторы находили красивые образы, сравнивая бег атлетов с полётом стрелы. Можно встретить утверждения, что бегуны обгоняли зайца.

Поэтические образы: однажды олимпиец опередил свою тень...

А о другом говорили, что он при беге не касается ногами земли – ведь он не оставлял следов на песке...

Знамениты имена олимпийцев – бегунов. Их как эстафету передавали в античной литературе, высекали их имена и победы на подножиях статуй, им посвящённых.

На первой календарно зафиксированной Олимпиаде 776 года до н.э. бег был единственным видом состязаний.

И победу в беге одержал элеец Кореб. *«И на его памятнике есть надпись, - рассказывает Павсаний, - что на Олимпийских играх Кореб победил первым из всех людей».*

Спартанец Лабас быстротою ног превосходил всех своих современников – скажет о нём Павсаний – ведь и на Олимпийских играх он был увенчан вен-

ком, победив в двойном беге. Стадион в Аркадии, где он упражнялся в беге, назван его именем.

Филип, сын Гегеполида, родом из Коса – в Олимпии у него было пять побед в беге, четыре на Пифийских состязаниях и столько же в Немее, а на Истмийских состязаниях – одиннадцать. Статую ему в Олимпии воздвиг родной город «за приобретённую им славу».

О бегунах на выдержку известно, что Ласфен обогнал лошадь, Фидиппид пробежал в два дня 220 километров, а Эвхид в сутки – 150 километров...

Пастух из Милета однажды обогнал зайца и был послан хозяином на Олимпийские игры.

Известна история о прекрасной девушке Аталанте, дочери беотийского царя, не имевшей соперников в беге. Многочисленным женихам она поставила условие: её рука и сердце будут принадлежать тому, кто обгонит её. Повезло лишь юноше Гиппомену, и то с помощью Афродиты, подарившей влюблённому золотые яблоки. Состязаясь в беге, юноша бросал их перед Аталантой. Подарки богини любви, естественно, были волшебными: девушка на бегу подбирала их и, отстав, уступила юноше.

Несмотря на то, что в Древней Греции запрещалось участие и присутствие женщин на Олимпиадах, исключением из этого правила были особые состязания девушек в беге в честь богини Геры, проводившиеся раз в четыре года в Олимпии.

БОРЬБА

*...встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей,
вымышлятель хитростей умный.*

*Чресла свои опоясав, борцы на середину выходят;
Крепко руками они под бока
подхватили друг друга.*

*Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает,
в опору насильственных ветров.*

*Сильно хребты захрустели.
могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу...*

Гомер. «Илиада».

Так описывает поэт борьбу Аякса Теламонида с Одиссеем.

Поединок закончился вничью, Ахилл удерживает борцов:

*Кончите вашу борьбу
и трудом не томитесь жестоким.
Ваша победа равна;
и награды вы равные взявши, с поля сойдите....*

Считалось, что борьба как вид состязаний связана с именем легендарного афинского царя Тесея, жившего около XIII века до н. э. Тесей совершил много подвигов, победил Прокруста, Минотавра, участвовал в войне с амазонками.

А его самого научила правилам борьбы богиня Афина.

В Олимпии соревновались по двум видам борьбы.

В первом – «ортопале» (буквально: «прямая борьба») – состязались стоя, и победителем считался борец, трижды положивший соперника на землю.

Во втором – «катопаде» («нижняя борьба») – бой вёлся до признания себя побеждённым одним из борцов; при этом не принималось во внимание, кто кого уложил на лопатки и надолго ли. Обессиленный соперник должен был поднять указательный или средний палец.

Основными приёмами наряду с бросками и махами были захваты (болевые были запрещены) «на ключ» или захват с отрывом от земли. На Играх борьба могла быть как самостоятельным видом состязаний, так и входить в пятиборье, приближаясь к лёгкой атлетике.

В первом случае для атлета важно было иметь значительный вес, и поединок проходил в медленном темпе. В пятиборье борьба отличалась стремительностью поединка, подвижностью, захватам предпочитали броски и махи.

Знаменит был борец Милон из Кротона – он одержал в Олимпии шесть побед и был удостоен статуи в священной роще Альтиса. Впервые он победил в борьбе среди юношей в 532 году до н. э. Шестой венок он получил в 516 году до н. э.

В детстве он был пастухом. Каждое утро, взяв на плечи телёнка, Милон обходил весь город. Телёнок рос, росла и сила юноши – и когда он впервые победил в Олимпии, он поднял быка и пронёс его по стадиону.

Он был учеником математика и философа Пифагора. Однажды во время общего обеда учеников стала рушиться опорная колонна здания, где проходили занятия. Милон заступил на место рухнувшей колонны и держал кровлю, пока все не вышли...

Рассказывали, что он мог удержать в руке «гранатовое яблоко», пока другие пытались его взять, причем держал его так осторожно, что на поверхности граната не оказывалось повреждений. Или, смазав диск маслом, становился на него – безуспешно его пытались столкнуть с диска. Прижав к боку руку от плеча до локтя, он выставлял большой палец, сжав остальные, и никто не мог отогнуть мизинец его руки...

Конец Милона был печальным: увидев в лесу высохшее дерево с клиньями в стволе, он, переоценив свою силу, попытался расщепить ствол. Клинья выпали, и пальцы Милона оказались зажатými в расщепе ствола. Он не сумел освободиться, став добычей хищников.

Сюжет о Милоне Кротонском – тема многих произведений живописи и скульптуры в мировом искусстве.

В Олимпии атлеты в доспехах – а это полное тяжёлое вооружение воина – состязались на расстояние в два стадия, в других местах – в четыре стадия. Подросткам не разрешалось участвовать в этих состязаниях. Позднее атлеты надевали только шлем и брали щит. Эталонные одинаковые щиты и шлемы для этого хранились в одном из храмов Олимпии.

ПАНКРАТИОН

*У кого быстрее или выносливее ноги – тот бегун,
у кого хватит силы, чтобы сжать
в тисках соперника, – тот борец,
а кто может поразить соперника мощным ударом –
тот кулачный боец,*

*кто умеет соединять и то и другое –
тот панкратионист.*

Аристотель

Панкратион – это сочетание борьбы и кулачного боя. Запрещалось наносить удары пальцами в лицо, царапать соперника. Состязались с близкого расстояния, поэтому удары были не опасны.

Различали два вида панкратиона: первый – поединок атлетов стоя, во втором допускалось продолжение борьбы и при падении атлетов на землю.

*...опоясавшись оба, выходят бойцы на середину.
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешались быстро
подвижников тяжкие руки
Стук кулаков раздаётся по челюстям;
пот по их телу
Льётся ручьями...*

Гомер. «Илиада».

Перед боем атлеты наматывали на руки ремни или надевали «цесты» – вид перчаток из жёстких кожаных ремней. Правилами не допускались запрещённые приёмы борьбы, удары ниже пояса. Атлеты боролись до тех пор, пока один из них не признавал своего поражения, поднимая один или два пальца.

Случаи гибели в кулачном бое упоминаются редко; вероятно, результат определялся по активности и инициативе бойцов.

Об одном из знаменитых кулачных бойцов рассказывает Павсаний. Юноша Главк из Кариста пахал

землю, не подозревая о своих способностях. Когда железный лемех выпал из плуга, он вместо молотка кулаком приделал его к плугу. Увидев это, его отец сам привёл сына в Олимпию. Но не зная правил и приёмов боя, Главк получал от соперников ушибы и совсем было выдохся. Отец крикнул ему: *«Сын! Бей как по плугу!»* Главк нанёс противнику удар и сразу добился победы.

«Главк был самым искусным в своё время бойцом, - добавляет Павсаний. - Когда он умер, то жители Кариста похоронили его на острове, который до нашего времени называется островом Главка». Статую Главка установили в священной роще, олимпийчик изображён в момент вступления в бой против невидимого противника.

МЕТАНИЕ ДИСКА

*...и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил;
и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов,
схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой,
и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет браноносный,
Так далеко, как пастух
свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом
и летит через тельчее стадо, —
Так далеко перекинул за круг он...*

Гомер. «Илиада».

Диск символизировал солнце. И этот вид состязаний не имел прямой связи с военной и трудовой практикой.

Вес снаряда был в пределах 1,3 – 4,7 кг, диаметром от 12 до 32 см. Это, кстати, намного больше современных спортивных дисков. Изготавливался вначале из камня, позже из свинца или сплавов, по форме круглым или двояковыпуклым.

Броски производились с бальбиса – слегка наклонённой каменной плиты, без разбега. Известен один из лучших отмеченных бросков – 30 метров, и имя атлета – Файл. Диск могли метать и в высоту, выигрывал тот, чей диск падал на землю последним.

Публий Папиний Старший, римский поэт и педагог (I век н. э.), рассказывает о пятиборце Флегие, который перебросил диск через реку Алфей – это около 50 метров.

В античном искусстве запечатлена статуя дискобола – метателя диска, работа скульптора Мирона. По ней восстанавливается техника броска с разгоном по кругу.

Результат броска зависел от начальной скорости диска, от угла броска и стабильности полёта, обеспечиваемой вращением вокруг вертикальной оси.

У Гомера на состязание по метанию дисков вызывают Одиссея смелые гости морей – феакийцы. Далеко они бросают «тяжёлые диски», посмеиваясь над Одиссеем, что с атлетом он вовсе не сходен:

*...конечно,
Ты из числа промышленных людей,*

обтекающих море
В многовёсельных своих кораблях для торговли,
О том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар
и опять корабли нагрузивши,
Боле нажать барыша:
но с атлетом ты вовсе не сходиен.
Обиделся герой. Поднялся, не сложив мантии с
плеч, подхватил камень:

...он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был;
и с размаха
Кинул его Одиссей, жоловатую руку напругши;
Камень, жужжа, полетел,
и под ним до земли головами...
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки...

КОЛЕСНИЧНЫЙ БЕГ

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули
и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчались по полю кони
Вдаль от судов с быстротою ужасною:
пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух,
как туча, как сумрачный вихорь,
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие – то до земли прикоснутся,
То – высоко, отражённые, взбросятся;
гордо возницы
В пышных стоят колесницах;

*трепещет у каждого сердце,
Жадное славы;
каждый коней одобрительным криком
Гонит; и кони летят; по ристалищу пыль подымая.*

Гомер. «Илиада».

Состязания тетрипп – четверных упряжек – начались в Олимпии с 680 году до н. э., в 25-ю Олимпиаду, а через несколько десятилетий впервые состоялись скачки верховых лошадей.

Затем включались такие виды, как состязания колесниц, запряжённых мулами, – «апены», и скачки, соединенные с бегом наездников, – «кальпы», когда всадник перед финишем соскакивал с лошади и бежал рядом, держась за узду.

В честь побед в Альтисе ставили изображения победителей: хозяев лошадей, самих лошадей вместе с колесницами. Известны имена победителей – их множество.

Назову два имени, но исключительных.

Киниска – дочь спартанского царя – одержала победу в колесничных состязаниях (IV век до н. э.).

«Она с величайшей страстью предавалась олимпийским состязаниям, - пишет Павсаний, - и первая из женщин содержала с этой целью лошадей, и первая из них одержала победу на Олимпийских играх. После Киниски и другие женщины, особенно из Лакедемона, добивались побед в Олимпии, но никто из них не заслужил такой славы своими победами, как она».

В честь её победы в Альтисе был сооружён пьедестал, на нём колесница с конями и статуя самой Киниски, творение скульптора Апеллеса.

На постаменте высечена надпись: *«Спарты цари мне отцы и братья, победив колесницей на быстрых конях, я, Киниска, воздвигла эту статую. С гордостью я говорю: единственная из всех женщин Эллады, я получила этот венок...»*.

Несколько строк из невообразимой глубины тысячелетий – и сохранились не на поверхности мрамора или бронзы, а в беглых записках путешественника...

Несколько строк драгоценнее любых победных реликвий.

Лет через двести, на 128-й Олимпиаде, одержала победу на колесничных состязаниях девушка Белистиха, о которой известно только, что родом она была из приморской Македонии.

Ипподром в Олимпии представлял обширную площадку с местами для зрителей на искусственных террасах. Беговая дорожка по всей длине была разделена стеной: в начале стены стоял каменный пьедестал с бронзовой статуей Гипподамии, в конце – высокая колонна. Стартовали колесницы на юго-западной стороне, перед судейской трибуной.

В восточной части, где колесницы разворачивались у поворотного столба – меты, была полукруглая насыпь с проходом, служившим запасным выходом для упавших коней и возниц.

Образ ипподрома дан в красочной концовке 10-й главы «Метаморфоз» Апулея: *«Колесница солнца*

уже обогнула последний столб на ипподроме дня, и в тишине вечера охватил меня сладкий сон».

В упряжке колесницы обычно была четвёрка лошадей, реже – пара и восьмёрка. Возница управлял, стоя в колеснице.

Победителем считался хозяин лошадей, а возница получал шерстяную ленту для повязки вокруг головы.

Стартовое устройство на ипподроме в Олимпии было необычным: *«место пуска похоже на переднюю часть корабля, остриё которого обращено к дромосу (месту бега – прим. авт.)»* – так характеризует его очевидец.

То есть колесницы стояли в нишах, в плане образующих треугольник «нос корабля». Так создавалась возможность разместить на старте большое количество участников.

На самой оси треугольника, на вершине столба, находился отлитый из меди дельфин, а позади стартовых стоек – жертвенник с медным орлом, распустившим крылья. При старте колесниц хитроумным устройством внутри жертвенника дельфин опускался на землю, а орёл поднимался вверх. Так оповещалось о начале состязаний.

Одновременность старта колесниц обеспечивалась тем, что стойла, выдвинутые вперед, открывались в тот момент, когда выехавшие ранее колесницы из дальних стоек выравнивались с ними. Таким образом колесницы на стартовую линию выходили равномерно.

Известно имя человека, изобретшего стартовое устройство.

Он был скульптором и так гордился своим изобретением, что на одной из статуй в Афинах сделал надпись: *«Первый, нашедший в Олимпии способ пускания коней, создал также меня, сын Аристокла Клеэт»*.

О длине заездов можно судить только предположительно: от семи до двенадцати объездов совершали колесницы вокруг невысокой стенки в середине ипподрома.

Самым трудным участком дистанции были повороты. Опасность усугублялась тем, что дышла соединялись с лёгкой колесницей неподвижно. Место поворота на дальнем конце ипподрома обозначалось круглым жертвенником и называлось Тараксиппом – *«ужасом коней»*.

«Колесницы здесь часть разбиваются, и возницы калечатся. И поэтому возницы приносят жертвы и молятся Тараксиппу, чтобы он был к ним милостив», - рассказывает Павсаний. И приводит различные мнения о Тараксиппе, сам же склоняясь к *«самому достоверному»*: это прозвище Посейдона Гиппия (Конного).

ПРЫЖКИ В ДЛИНУ

В Олимпии прыжки составляли часть пятиборья. По технике они отличались от современных более коротким разбегом и использованием особых снарядов – альтеров (прыжковых гирь). Их изготавливали из камня или металла.

«Эти гири, - пишет Павсаний, - имеют такой вид: посередине они представляют несколько удлинённый, не совсем правильный диск; он сделан так, что че-

рез него можно пропустить пальцы рук, как через ручку щита».

Вес их колебался в пределах от полутора до четырёх с половиной килограммов. В прыжке с альтерами атлет приобретал дополнительную скорость и увеличение угла взлёта, при приземлении прыгун, отбросив альтеры назад, продлевал полёт.

Результат обозначался в крайней точке приземления, измерялся длинным деревянным шестом – каноном.

Местом прыжков служила «скамма» – площадка, заполненная морским песком. Длина её была 15,25 м.

О знаменитом атлете-прыгуне Файле рассказывают античные авторы. Он пролетел над скаммой от начала до конца и опустился за её пределами на твёрдую каменистую землю, сломав при этом левую ногу...

Прыгали атлеты в сопровождении музыки, обычно флейты, для точности темпа. В прыжках высоко оценивались красота и ритмичность движений.

Попытки повторить прыжки с альтерами в наше время оказались неудачными, хотя восстановить характер прыжка можно по изображениям на расписных вазах.

Какими секретами владели древнегреческие атлеты, совершавшие такие прыжки, пока неизвестно.

*